

Неужели идеальное преступление
все-таки существует?..

САЙМОН БЕКЕТТ

ШЕПОТ МЕРТВЫХ

Доктор Дэвид Хантер

Саймон Бекетт

Шепот мертвых

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Бекетт С.

Шепот мертвых / С. Бекетт — «Издательство АСТ»,
2009 — (Доктор Дэвид Хантер)

ISBN 978-5-17-115106-5

В охотничьем домике, затерянном в горах штата Теннесси, совершено чудовищное преступление. Опытный судмедэксперт Дэвид Хантер, приглашенный на место преступления в качестве консультанта, констатирует поразительный факт: преступник не оставил ни единой улики! Затем появляются новые жертвы, и Хантер осознает, что изловить убийцу будет невероятно сложно. Ведь тот, судя по всему, в совершенстве изучил методику проведения современной судмедэкспертизы! Снова и снова маньяк ускользает от полиции и ФБР, идущих за ним по следу. Похоже, убийца смеется над ними, уверенный в своей способности совершать идеальные преступления. Неужели маньяк уйдет от возмездия? Дэвид Хантер не намерен сдаваться!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-115106-5

© Бекетт С., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

1	6
2	12
3	18
4	29
5	34
6	42
7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Саймон Бекетт
Шепот мертвых
Моим родителям, Шейле и Фрэнку Беккет

Simon Beckett
WHISPERS OF THE DEAD

Перевод с английского *О.Г. Косовой*

Печатается с разрешения Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

1

Кожа.

Самый большой человеческий орган, а также и самый малоизученный. На нее приходится восьмая часть массы всего тела, а площадь кожи взрослого человека составляет порядка двух квадратных метров. По своей структуре кожа – произведение искусства, скопление капилляров, желез и нервов, которое одновременно и защищает, и регулирует. Это наш сенсорный разделитель, граница с внешним миром, барьер, за которым заканчивается наша индивидуальность, наше «я».

И даже после смерти от этой индивидуальности что-то остается.

Когда тело умирает, бактерии, которых жизнь держала в узде, срываются с цепи. Они пожирают стенки клеток, высвобождая содержащуюся в клетках жидкость. Жидкость поднимается к поверхности, скапливаясь под кожными слоями и разделяя их. Кожа и плоть, доселе бывшие неотъемлемыми частями целого, начинают отделяться друг от друга. Образуются пузыри. Целые слои начинают сползать, соскальзывая с тела как ненужная одежда в летний день.

Но, даже мертвая и сброшенная, кожа сохраняет следы своей былой сути. Даже теперь у нее еще есть о чем поведать, есть свои нераскрытые тайны.

Конечно, если знать, куда и как смотреть.

Эрл Бейтмен лежал на спине, лицом к солнцу. Наверху, в ясном синем небе Теннесси, совершенно безоблачном, не считая медленно растворявшегося следа от пролетевшего самолета, кружили птицы. Эрл всегда любил солнце. Ему нравилось, как щиплет кожу от солнца после проведенного на рыбалке дня, нравилось, как солнечные лучи преображают все, на что падают. Эрл был уроженцем Чикаго, и воспоминания о тамошних холодных зимах навсегда сохранились в его памяти.

В семидесятых годах он перебрался в Мемфис и обнаружил, что теплая влажность ему куда более по вкусу, чем продуваемые ветрами улицы родного города. Конечно, будучи зубным врачом с не очень обширной клиентурой и имея на содержании молодую жену и двух малолетних детишек, он не мог проводить на свежем воздухе столько времени, сколько бы ему хотелось. Но они жили здесь, и это главное. Ему нравилась даже здешняя изнуряющая летняя жара, когда ветерок ощущался как горячая мягкая мочалка, а вечера приходилось проводить в духоте крошечной квартирki, где они ютились с Кейт и мальчиками.

С тех пор многое изменилось. Клиентура разрослась, и врачебная практика процветала, ту квартирку они давным-давно поменяли на куда большее и лучшее жилье. Два года назад Бейтмены переехали в новый пятикомнатный дом в хорошем районе, с большой зеленой лужайкой, по которой носилась орава их подрастающих внуков и где под лучами раннего солнца в тоненьких струйках разбрызгивателей танцевали крошечные радуги.

Именно на этой лужайке, когда он, обливаясь потом и ругаясь, пилил высохший сук на огромной старой раките, его и настиг сердечный приступ. Он оставил пилу в дереве и даже сумел сделать несколько неуверенных шагов к дому, прежде чем его свалила боль.

В карете «скорой помощи», лежа с кислородной маской на лице, он крепко сжимал руку Кейт и даже пытался улыбнуться, чтобы ее успокоить. В госпитале воспоследовала обычная беготня персонала «неотложки», втыкание всяких иголок и писк медицинского оборудования. Наконец все закончилось, и когда были подписаны необходимые бумаги – неизбежные бюрократические заморочки, сопровождающие каждого из нас с самого рождения, – тело Эрла отпустили с миром.

И вот теперь, уже без одежды, оно лежало под весенним солнцем на низком деревянном каркасе, возвышавшемся над ковром из травы и листьев. Оно находилось тут уже неделю. Достаточно для того, чтобы плоть разложилась, обнажив кости и хрящи под высохшей кожей. На макушке черепа, взиравшего в голубое небо пустыми глазницами, еще оставались прядки волос.

Я закончил с измерениями и вышел из проволочной клетки, защищавшей тело дантиста от птиц и грызунов. И смахнул пот со лба. Полдень был жарким, хотя весна еще только начиналась. В этом году она запаздывала, почки едва набухли и потемнели. Через пару недель все уже распустится, но пока что березы и клены лесов Теннесси придерживали новую зелень, будто не спешили отпустить ее на волю.

Склон, на котором я находился, был в общем-то ничем не примечательным. Довольно живописный, хотя куда менее впечатляющий, чем величественные гребни Дымчатых гор, возвышавшиеся вдалеке. Но было здесь нечто такое, что поражало всех приходящих сюда. Повсюду лежали человеческие тела на разных стадиях разложения. В подлеске, под открытым солнцем и в тени. Наиболее свежие, распухшие от выделяемых разложением газов, и те, что лежали давно и высохли как подошва. Некоторые были скрыты от глаз, закопаны в землю или спрятаны под машинными крышками. Другие, как то, которое я изучал, защищенные проволочной сеткой или рабицей, были выставлены на вид, как экспонаты некоей жуткой художественной инсталляции. Но это место имело совсем другое предназначение, нежели выставочный зал. И отнюдь не предполагалось его посещение широкой публикой.

Я убрал оборудование и блокнот в сумку и несколько раз согнул руку, избавляясь от напряжения. Там, где была рана до кости, ладонь пересекал тонкий белый шрам, четко разделяя «линию жизни». В общем-то довольно уместно, учитывая, что нож, едва не оборвавший мою жизнь в прошлом году, заодно изменил и ее.

Я закинул сумку на плечо и выпрямился. После того как я набрал вес, живот уже практически не болел. Шрам под ребрами полностью зарубцевался, и через пару-тройку недель уже можно будет прекратить принимать антибиотики, на которых я постоянно сидел последние девять месяцев. Всю оставшуюся жизнь я буду предрасположен к инфекциям, но я считал, что легко отделался. Я потерял лишь кусок кишечника, а заодно и сплин.

А вот смириться с тем, что я еще потерял, было куда тяжелее.

Оставив дантиста медленно разлагаться дальше, я обошел частично прикрытое кустарником другое тело, темное и раздувшееся, и двинулся по узкой тропинке, выходящей между деревьями. Молодая чернокожая женщина в серой хирургической блузе и таких же штанах склонилась над полускрытым трупом, лежавшим в тени ствола упавшего дерева. Она пинцетом снимала с трупа извивающихся личинок и убирала каждую в отдельную баночку с закручивающейся крышкой.

– Привет, Алана, – сказал я.

Она подняла голову и улыбнулась.

– Привет, Дэвид.

– Тома тут нет поблизости?

– Иди дальше по тропинке, я его там видела. И смотри, куда ноги ставишь! – крикнула она мне вслед. – Там где-то в траве окружной прокурор.

Я рукой показал, что слышу, и поплелся в указанном направлении, параллельно высокому забору из сетки, окружавшему два акра леса. По верху забора шел барьер безопасности – спираль из армированной колючей проволоки, – а за сеткой стоял еще один забор, уже деревянный. Единственным входом и выходом служили огромные ворота с большим нарисованным знаком. Черными буквами были выведены слова «Антропологическая научная станция», но в народе это место называли по-другому: «трупферма».

За неделю до этого я стоял в выложенном плиткой коридоре своей лондонской квартиры, у ног были собранные сумки. С улицы, из бледных весенних сумерек, доносилось нежное птичье пение. Я мысленно пробежался по списку, проверяя, все ли сделано. Окна закрыл, сигнализацию включил, бойлер выключил. Я нервничал, и мне было не по себе. Мне не привыкать путешествовать, но сейчас все иначе.

Теперь никто не будет ждать моего возвращения.

Такси опаздывало, но до вылета оставалась еще куча времени. И все же я поймал себя на том, что постоянно смотрю на часы. Глаз зацепился за черно-белые плитки викторианского пола в паре футов от места, где я стоял. Я отвел взгляд, но не раньше, чем эта арлекинада вызвала в моей памяти обычные ассоциации. Кровь давно уже смыли с места возле входной двери и со стены над ней. Весь коридор заново покрасили, пока я валялся в госпитале. Не осталось никаких видимых напоминаний о том, что случилось здесь в прошлом году.

Но тем не менее мне показалось, что я задыхаюсь. Я выволок багаж на улицу, стараясь не перенапрягать живот. Появилось такси, и я захлопнул входную дверь. Она закрылась с глухим стуком, в котором послышалась какая-то завершенность. Я повернулся и, не оглядываясь, зашагал туда, где урчала мотором ожидающая меня машина.

На такси я доехал только до ближайшей станции подземки, а там сел на линию «Пиккадилли» до «Хитроу». Для утреннего часа пик было еще слишком рано, но в вагоне все же было довольнолюдно. Но никто ни на кого не обращал внимания, пассажиры держались с инстинктивным равнодушием лондонцев.

Мне надо радоваться, что уезжаю, убеждал я себя. Второй раз в жизни у меня возникло огромное желание убраться из Лондона. В отличие от первого раза, когда я улетал после того, как моя жизнь разлетелась вдребезги со смертью жены и дочери, сейчас я знал, что вернусь обратно. Но мне необходимо было ненадолго отсюда удрать, чтобы дистанцироваться от недавних событий. Помимо всего прочего, я не работал много месяцев. И надеялся, что эта поездка поможет мне вернуться в свою колею.

И выяснить, нравится ли мне еще моя работа.

Не было места лучше, чтобы прояснить этот вопрос. До недавнего времени научная станция в Теннесси была уникальной, единственная полевая лаборатория в мире, где антропологи-криминалисты на настоящих человеческих трупах изучали стадии разложения, фиксируя основные факторы, по которым можно определить время и причину смерти. Теперь такие же станции создали еще в Северной Каролине и Техасе – как только удалось решить проблему с грифами-стервятниками. До меня даже доходили слухи еще об одной, в Индии.

Но совершенно не важно, сколько их: для большинства людей именно станция в Теннесси остается той самой «трупфермой». Она находилась в Ноксвилле и входила в состав Центра криминалистической антропологии университета Теннесси. И мне повезло пройти там практику в начале карьеры. Но уже годы миновали с моего последнего визита туда.

Сидя в зале вылета Хитроу и наблюдая за медленным и бесшумным танцем самолета за стеклом, я размышлял, каково это будет – вернуться туда. За время долгих месяцев трудного выздоровления после выписки из госпиталя – и еще более болезненных последствий – перспектива месячной поездки сулила возможность начать все заново.

И вот теперь, уже практически тронувшись в путь, я размышлял, а стоит ли выделки овчинка.

Я на два часа застрял в Чикаго, ожидая пересадки. Когда самолет приземлился в Ноксвилле, там еще грохотали отголоски грозы. Но они быстро смолкли, и к тому моменту, когда я получил багаж, сквозь тучи уже пробивалось солнце. Выйдя из аэропорта и направившись к взятой напрокат машине, я глубоко вдохнул, наслаждаясь непривычной влажностью воздуха. Испарения над дорогами пахли едким мокрым бетоном. На фоне медленно рассасывающихся иссиня-черных грозовых туч окружающая шоссе буйная растительность тускло мерцала.

По мере приближения к городу мое настроение улучшалось. Все будет хорошо.

Но теперь, всего лишь неделю спустя, я уже не был так в этом уверен. Я топал по тропинке вдоль поляны, на которой стояла высокая деревянная тренога, похожая на каркас вигвама. Под ней на поддоне лежало тело, ожидая, когда его поднимут и подвешат. Сойдя с тропинки – и памятуя о предупреждении Аланы, – я пересек поляну, направляясь туда, где на земле лежали прямоугольные бетонные плиты, геометрически четко выложенные посреди леса. В них были утоплены человеческие тела – здесь изучали, насколько эффективен для обнаружения трупов георадар.

В нескольких ярдах дальше стоял на коленях высокий неуклюжий человек в слаксах и мягкой панаме, хмуро разглядывая измерительный прибор на торчащей из земли длинной трубке.

– Как дела? – поинтересовался я.

Том Либерман – директор станции и мой учитель – даже не повернулся, глядя через очки в металлической оправе на прибор и бережно водя по нему пальцем.

– Думаешь, уловить такой сильный запах просто, да? – проговорил он вместо ответа.

Он глотал гласные, что выдавало в нем уроженца Западного побережья, а не жителя Теннесси с их медленной южной тягучей речью. Сколько я его знал, Том Либерман находился в поисках собственного Священного Грааля, анализируя каждую молекулу газа, вырабатываемую при разложении, чтобы определить запах гниющей плоти. Каждый, у кого хоть раз под полом дома сдохла мышь, подтвердит, что этот запах существует и держится еще долго после того, как человеческое обоняние перестает его улавливать. Собак можно натренировать находить трупы по запаху даже спустя много лет после захоронения. Том выдвинул теорию, что возможно создать сенсор, способный делать то же самое, и с помощью этого прибора обнаружение трупов значительно упростится. Но, как оно часто бывает, теория и практика – две большие разницы.

Крякнув, то ли раздраженно, то ли удовлетворенно, он встал.

– Ладно, я закончил, – сообщил он, поморщившись, когда скрипнули коленные суставы.

– Я иду в кафетерий перекусить. Пойдешь?

Том задумчиво улыбнулся, убирая оборудование.

– Не сегодня. Мэри дала мне с собой сэндвичи. С цыпленком и пророщенными бобами или еще чем-то столь же отвратительно полезным. Да, и пока не забыл: в эти выходные ты приглашен на ужин. Похоже, она вбила себе в голову, что ты нуждаешься в правильном питании. – Он усмехнулся. – Тебя-то она хочет подкормить. А мне дает лишь кроличью еду. Ну и где справедливость?

Я улыбнулся. Жена Тома была отменной кухаркой, и он отлично это знал.

– Передай ей, что я с удовольствием приду. Помочь тебе дотащить? – Я указал на его парусиновую сумку.

– Да нет, все в порядке.

Я понял, что он не хочет меня напрягать. Но хотя мы и шли к воротам очень медленно, я видел, что он задыхается. Когда я познакомился с Томом, ему было уже хорошо за пятьдесят, и он охотно поддержал неопытного английского антрополога-криминалиста. С тех пор миновало куда больше времени, чем мне казалось, и прошедшие годы не прошли для него бесследно. Мы полагаем, что люди остаются такими же, какими мы их помним, но, конечно, так никогда не бывает. И все же Том настолько изменился за эти годы, что, увидев его, я испытал потрясение.

Он официально не объявлял, когда намерен покинуть пост директора Центра криминалистической антропологии, но все знали, что скорее всего он уйдет еще до конца года. Местные газеты пару недель назад опубликовали о нем статьи, больше похожие на благодарственно-прощальные, чем на обычные интервью. Он по-прежнему выглядел как баскетболист, каковым и был когда-то, но неумолимые годы добавили худобы его и без того сухопарой фигуре. Запав-

шие щеки в сочетании с лысеющим лбом придавали ему вид одновременно аскетичный и тревожно хрупкий.

Но глаза блестели по-прежнему, сохранилось и чувство юмора, и вера в людей, несмотря на годы работы с проявлениями наихудшей стороны человеческой натуры. Да и ты сам уже не тот, что прежде, подумал я про себя, вспомнив об уродливом шраме под рубашкой.

«Универсал» Тома стоял на парковке возле станции. Мы задержались у ворот, стягивая защитные перчатки и бахилы, прежде чем выйти наружу. Когда ворота за нами закрылись, ничто больше не указывало на то, что лежит по ту сторону. Деревья за забором выглядели обычными и безобидными, покачиваясь на теплом ветерке. На голых ветках набухали почки.

Как только мы вышли на парковку, я включил мобильник. Хотя в правилах ничего и не говорилось, мне было как-то неловко тревожить царящий на станции покой звонками телефона. Те, кто мог мне позвонить, знали, что я за границей, а тот человек, чей голос мне больше всего хотелось бы услышать, не позвонит уже никогда.

Я убрал телефон, а Том открыл багажник и сунул в него сумку. Он делал вид, что ничуть не устал, а я делал вид, что ничего не замечаю.

– Подбросить тебя до кафетерия? – предложил он.

– Да нет, спасибо, я прогуляюсь. Мне нужны физические нагрузки.

– Потрясающая сила воли. Мне прямо стыдно за себя. – Тут зазвонил его телефон. Он посмотрел на дисплей. – Извини, придется ответить.

Предоставив ему беседовать по телефону, я двинулся через парковку. Хотя станция находилась на территории кампуса медицинского центра университета Теннесси, она абсолютно от него не зависела. Закрытая в лесном массиве, она обреталась будто бы в другом мире. Между современными строениями, на аккуратных зеленых парковых лужайках переполненного госпиталя сновали пациенты, студенты и медперсонал. Медсестра на лавочке, смеясь, беседовала с молодым человеком в джинсах. Мамаша успокаивала вопящее чадо, а бизнесмен о чем-то живо говорил по мобильнику. Когда я впервые сюда приехал, мне было трудно привыкнуть к контрасту между скрытым тихим гниением трупов по ту сторону ворот и живой нормальной атмосферой кампуса. А теперь я этого даже не замечал.

Ко всему со временем привыкаешь.

Я взбежал по ступенькам и направился по дорожке к кафетерию, с удовлетворением отметив, что практически не задыхаюсь. Но не успел далеко уйти, сзади раздались торопливые шаги.

– Дэвид, погоди!

Я обернулся. Мужчина примерно моего возраста и роста торопливо шагал по дорожке. Пол Эвери был восходящей звездой центра, и практически все считали его преемником Тома. Специалист по человеческим костям, Пол обладал поистине энциклопедическими знаниями, а большие руки с толстыми пальцами были такими же умелыми, как у хирурга.

– Идешь на ленч? – поинтересовался он. Его кудрявые волосы были цвета воронова крыла, и на щеках уже темнела щетина. – Не возражаешь, если присоединюсь?

– Конечно, нет! Как Сэм?

– Нормально. Вместе с Мэри с утра двинула по детским магазинам. Полагаю, моей кредитке будет нанесен существенный урон.

Я улыбнулся. До нынешнего приезда я не был с ним знаком, но и Пол, и его беременная жена Сэм старались изо всех сил, чтобы я чувствовал себя как дома. Сэм вот-вот должна была родить их первого ребенка, и если Пол пытался изобразить равнодушие, Сэм даже и не пыталась скрыть свой восторг.

– Рад тебя видеть, – продолжил он. – У одной моей аспирантки состоялась помолвка, так что мы вечером едем в город отметить это дело. Все будет тихо, просто поужинаем и немного выпьем. Почему бы тебе не пойти с нами?

Я колебался. Я был благодарен за предложение, но идея провести вечер в компании незнакомых людей не привлекала.

– Сэм пойдет и Алана, так что кое-кого ты знаешь, – добавил Пол, видя мои сомнения. – Пошли, будет весело!

Я не смог найти повода отказаться.

– Ну... тогда ладно. Спасибо.

– Отлично. Я заеду за тобой в гостиницу в восемь.

На дороге слышался гудок. Мы оглянулись и увидели притормаживающий у бордюра «универсал» Тома. Открыв окно, он жестом подозвал нас.

– Мне только что позвонили из Бюро расследований Теннесси. Они нашли тело в коттедже, в горах неподалеку от Гатлинбурга. Вроде как что-то интересное. Если ты не очень занят, Пол, может, съездишь со мной и взглянешь?

Пол покачал головой.

– Извини, я сегодня занят по уши. Может, попросишь кого-нибудь из твоих бывших учеников?

– Попробую. – Том поглядел на меня, лукаво сверкнув глазами. И я понял, что он сейчас скажет. – Как насчет тебя, Дэвид? Не хочешь немножко поработать в поле?

2

Машина по шоссе от Ноксвилла двигалась медленно, и даже в это время года было так жарко, что пришлось включить кондиционер. Когда мы добрались до гор, Том запрограммировал спутниковый навигатор, хотя мы легко могли бы найти дорогу и самостоятельно. Том что-то тихонько мурлыкал себе под нос. По опыту я знал, что это признак предвкушения работы. Несмотря на весь мрачный реализм станции, все люди, завещавшие центру свои тела, умерли естественной смертью. А тут нас ждало нечто совсем другое.

Настоящее.

– Значит, убийство? – «Насильственная смерть», – мысленно поправил я себя. В этом можно было не сомневаться, коль уж здесь задействовано Бюро расследований Теннесси. БРТ – аналог ФБР в рамках штата, и Том много лет числился там консультантом. И раз звонок был от них, а не от местного полицейского департамента, то с высокой степенью вероятности можно утверждать, что дело серьезное.

Том смотрел на дорогу.

– Похоже. Мне мало что сказали, но, судя по всему, тело в скверном состоянии.

Я неожиданно занервничал.

– Мой приезд не составит проблемы?

– С чего бы? – удивился Том. – Я часто беру с собой ассистентов.

– Ну, в смысле, я ведь англичанин.

Мне пришлось преодолеть обычный барьер из виз и разрешений на работу, чтобы приехать сюда, но ничего подобного этому я не предвидел. И сильно сомневался, что мое участие в официальном расследовании будет принято с восторгом.

Том пожал плечами.

– Не вижу проблемы. Речь же идет не о национальной безопасности, и я поручусь за тебя, если кто спросит.

Ну или больше помалкивай – может, они твой акцент и не заметят.

Улыбнувшись, он включил плеер. Для Тома музыка служила тем же, чем для других сигарета или виски. Он утверждал, что музыка помогает ему и мозги прочистить, и сосредоточиться. Он предпочитал джаз пятидесятых и шестидесятых, и я уже почти наизусть выучил полдюжины альбомов, хранившихся у него в машине.

Том тихонько вздохнул и чуть откинулся в кресле, когда из колонок полилась мелодия Джимми Смита.

Я глядел на мелькающие за окном пейзажи Теннесси. Над нами возвышались Дымчатые горы, окруженные синеватой дымкой, благодаря которой они и получили свое название. Покрытые лесами склоны тянулись до самого горизонта. Спокойствие колышущегося зеленого океана резко контрастировало с суетой торговых точек вокруг. Пестрые забегаловки фаст-фуда, бары и магазины выстроились вдоль шоссе, небо над ними перечеркивали линии телеграфных и электрических проводов.

Лондон и Великобритания казались далекими. Приезд сюда помог мне разрешить ряд проблем. Я знал, что по возвращении мне придется принимать ряд тяжелых решений. Временный контракт с университетом в Лондоне закончился, пока я выздоравливал, и хотя мне давали постоянную ставку, я получил еще и предложение от ведущего университета Шотландии поработать на кафедре криминалистической антропологии. В Консультативно-исследовательском криминалистическом центре, многопрофильном агентстве, помогавшем полиции в розыске трупов, тоже намекали, что не прочь взять меня на работу. Все эти предложения были очень лестными, и мне следовало радоваться, но я не мог заставить себя воспринимать их с энтузиазмом. И надеялся, что приезд сюда изменит мое состояние.

Пока этого не случилось.

Вздыхнув, я машинально потер шрам на ладони. Том глянул на меня.

– Ты как, в норме?

Я сжал руку, закрывая шрам.

– Вполне.

Он оставил мой ответ без комментариев.

– Сэндвичи у меня в сумке на заднем сиденье. Вполне можем их разделить, пока едем. – Он криво усмехнулся. – Надеюсь, ты любишь пророщенные бобы.

По мере того как мы приближались к горам, пейзаж становился все более лесистым. Мы проехали через Пиджен-Форг, шумный городок, бары и рестораны которого выстроились вдоль дороги. Одна закусочная имитировала салун Дикого Запада, вплоть до пластмассовых бревен. Через несколько миль мы приехали в Гатлинбург, туристический город, нарядно-карнавальным и все же проигрывающий окружающему пейзажу. Город расположился у самого подножия гор, и хотя местные мотели и магазины привлекали внимание, они не могли соперничать с природным величием, возвышавшимся над ними.

Потом мы его миновали и оказались в другом мире. Крутые, поросшие густым лесом склоны окружили нас, погружая петляющую между ними дорогу в тень. Дымчатые горы, входящие в цепь Аппалачей, занимали восемьсот квадратных миль и обозначали границу между Теннесси и Северной Каролиной. Они были объявлены Национальным парком, хотя, глядя на них в окно машины, я подумал, что природе глубоко наплевать на такого рода решения. Это были дикие места, еще практически не тронутые человеком. Человек, приехавший сюда с перенаселенного острова вроде Великобритании, не мог не проникнуться почтением к эдакому величию.

Движение тут было куда менее оживленным. Скоро машин станет больше, но пока еще стояла весна и авто встречались крайне редко. Через несколько миль Том свернул на дорогу из гравия.

– Должно быть, уже недалеко. – Он глянул на дисплей навигатора, стоящий на приборной панели, затем посмотрел вперед. – А, вот и приехали.

На знаке у узенького проезда была надпись «Коттеджи Шредера, номера 3—14». Том свернул туда. Автоматическая коробка передач слегка возражала против езды вверх по склону. Я разглядел за деревьями крыши коттеджей, расположенных на весьма приличном расстоянии друг от друга.

Полицейские машины и автомобили без всяких опознавательных знаков, по моим предположениям, принадлежавшие БРТ, стояли на обочине. Когда мы подъехали, полицейский в форме, держа руку на кобуре, шагнул вперед, блокируя нам проезд.

Том остановился и открыл окно, но полицейский не дал ему и рта раскрыть.

– Сэр, вы не можете сюда проехать. Вам придется развернуться.

Говор у него был чисто южный, а вежливость сродни оружию – столь же неумолимая и твердая.

Том миролюбиво улыбнулся.

– Все в порядке. Не могли бы вы передать Дэну Гарднеру, что приехал Том Либерман?

Полицейский отошел чуть в сторону и заговорил по рации. Услышанный ответ явно его успокоил.

– Ладно, паркуйтесь тут, возле остальных.

Том так и сделал. Пока мы ставили машину, моя нервозность переросла в тревогу. Я говорил себе, что некоторое волнение вполне понятно: я все еще не совсем восстановился после выздоровления и не рассчитывал участвовать в настоящем расследовании убийства. Но я знал, что дело совсем не в этом.

– Ты уверен, что мое присутствие тут не создаст проблем? Мне бы не хотелось прищемить кому-нибудь хвост.

Тома это вроде бы нисколько не волновало.

– Не переживай. Если кто спросит – ты со мной.

Мы вылезли из машины. После города воздух тут казался чистым и свежим, насыщенным ароматами полевых цветов и запахом глины. Дневное солнце светило сквозь ветки, высвечивая набухшие почки, похожие на огромные изумруды. На такой высоте, да еще в тени деревьев, было довольно холодно, и от этого мужчина, идущий нам навстречу, выглядел странно: в костюме и при галстуке, но пиджак переброшен через руку, а голубая рубашка мокрая от пота. Лицо тоже потное и красное. Он пожал Тому руку.

– Спасибо, что приехал. Я не знал, вернулся ли ты из отпуска.

– Вернулся.

Томе Мэри приехали из Флориды буквально за неделю до моего прилета. И Том поведал мне, что никогда в жизни ему не было так скучно.

– Дэн, позволь тебе представить доктора Дэвида Хантера. Он приехал на станцию. Я ему сказал, что он может поехать со мной.

Это вовсе не прозвучало как вопрос.

Мужчина повернулся ко мне. Навскидку я дал ему хорошо за пятьдесят – его помятое усталое лицо покрывали морщины. Седеющие волосы коротко подстрижены, пробор словно проведен по линейке.

Он протянул руку. Рукопожатие достаточно крепкое, чтобы походить на вызов, ладонь сухая и мозолистая.

– Дэн Гарднер. Возглавляющий следствие специальный агент. Рад знакомству.

Я прикинул, что его звание равно примерно старшему следователю в Великобритании. Он говорил с явным гнусавым выговором уроженца Теннесси, но его спокойствие было обманчивым. Взгляд пристальный и оценивающий. Взвешивающий.

– Ну так что тут у вас? – спросил Том, залезая в багажник за кейсом.

– Дай-ка мне. – Я достал кейс. Шрам не шрам, но мне было куда проще тащить его, чем Тому. Для разнообразия он не стал возражать.

Агент БРТ двинулся по тропинке между деревьями.

– Труп в арендованном коттедже. Управляющий обнаружил его этим утром.

– Это точно убийство?

– О да.

Гарднер не стал вдаваться в подробности. Том с любопытством поглядел на него, но настаивать не стал.

– Идентифицирован?

– Обнаружен бумажник с кредитками и правами, но мы не можем с уверенностью сказать, принадлежат ли они жертве. Труп слишком сильно разложился, чтобы можно было сопоставить с фотографией.

– Вы установили, как долго он тут пролежал? – брякнул я не подумав.

Гарднер нахмурился, и я мысленно напомнил себе, что приехал сюда лишь помочь Тому.

– Я в общем-то надеялся, что это вы нам скажете, – ответил агент БРТ, хотя скорее Тому, чем мне. – Патологоанатом еще здесь, но он мало что может нам сказать.

– А кто патолог? Скотт? – уточнил Том.

– Нет. Хикс.

– А-а...

Интонация Тома была весьма многозначительной и вовсе не благосклонной. Но в данный момент меня куда больше заботило, что он начал слегка задыхаться, шагая по идущей вверх тропинке.

– Минутку, – сказал я. Поставив на землю кейс, я сделал вид, что завязываю шнурок. Гарднер явно не обрадовался задержке, но Том, облегченно вздохнув, устроил целый спектакль из протирания стекол очков. Он пристально уставился на мокрую от пота рубашку детектива.

– Надеюсь, ты не обидишься на вопрос, Дэн, но ты хорошо себя чувствуешь? Ты выглядишь... ну, слегка разгоряченным.

Гарднер глянул на свою мокрую рубашку, словно только что это заметил.

– Скажем так, там малость жарковато внутри. Сам увидишь.

Мы снова двинулись вперед. Тропинка выпрямилась, вывела нас на маленькую травянистую полянку между деревьями, по которой шла гравийная дорожка, обсаженная кустами. От нее отходили в сторону тропинки, шедшие к другим коттеджам, едва различимым среди деревьев. Тот, к которому мы направлялись, стоял в дальнем конце поляны, на весьма приличном расстоянии от остальных строений. Маленький, облицованный потемневшим деревом. Ведущую к дверям дорожку пересекала полицейская лента с яркой желтой надписью «Полицейский кордон. Не пересекать». А вокруг царил обычная для расследования суета.

Это было первое место преступления, на котором я присутствовал в США. Вроде бы оно ничем не отличалось от привычного, но все же имевшиеся небольшие отличия придавали картине слегка нереальный вид. Возле коттеджа стояла группа криминалистов БРТ в белых комбинезонах. Их лица были красными и потными, и они жадно пили воду из бутылок. Гарднер подвел нас к молодой женщине в элегантном деловом костюме, занятой беседой с толстым мужчиной, чья лысина сверкала как натертое маслом яйцо. Он был совершенно безволосым, даже брови и ресницы отсутствовали, и от этого походил одновременно и на младенца, и на рептилию.

Когда мы приблизились, он обернулся, и при виде Тома его узкие губы растянулись в улыбке.

– А я все думал, когда же ты появишься, Либерман.

– Я выехал сразу после звонка, Дональд, – ответил Том.

– Странно, что он тебе понадобился. Вонь от этого жмурика наверняка даже в Ноксвилле чувствуется.

Он рассмеялся, не обращая ни малейшего внимания на то, что никто, кроме него, не счел шутку смешной. Я предположил, что это, должно быть, Хикс, тот самый патологоанатом, о котором упоминал Гарднер. Разговаривавшая с ним молодая женщина была худощавой, с гибким мускулистым телом гимнастки. Она держалась с почти военной выправкой, что еще больше подчеркивали темно-синий пиджак с юбкой и коротко остриженные темные волосы. Никакой косметики, да она в ней и не нуждалась. Полные чувственные губы намекали на сексуальность, которую весь остальной ее вид будто старался заглушить.

Она окинула меня бесстрастным холодным, но оценивающим взглядом. Ее глаза на слегка загорелом лице словно сияли здоровьем.

– Том, это Диана Джейкобсен, – сказал Гарднер. – Она недавно пришла в Отдел расследований на месте преступления. Это ее первое дело по убийству, и я широко ей разрекламировал тебя и станцию, так что не подведи меня.

Женщина протянула руку, явно нисколько не тронутая попыткой Гарднера пошутить, и на теплую улыбку Тома весьма сдержанно улыбнулась в ответ. Я толком не понял, свойственна ли ей такая сдержанность вообще или она просто слишком уж старается выглядеть профессионалом.

Хикс досадливо скривил губы, глядя на Тома. Затем осознал, что я на него смотрю, и раздраженно дернул подбородком в мою сторону.

– Это еще кто?

Он говорил так, будто меня тут нет.

– Дэвид Хантер, – представился я, хотя вопрос был совершенно очевидно адресован не мне. Почему-то я точно знал, что протягивать руку не стоит.

– Дэвид временно работает с нами на станции. И любезно согласился мне помочь, – ответил Том.

«Работает с нами» было, мягко говоря, не совсем точной формулировкой, но я не стал оспаривать эту небольшую ложь.

– Англичанин? – воскликнул Хикс, уловив мой акцент.

Я почувствовал, что краснею, когда холодные глаза молодой женщины снова обратились на меня.

– Ты теперь стал туристов приводить, Гарднер?

Я знал, что мое присутствие может вызывать проблемы, как и присутствие иностранца на расследовании в Великобритании, но тем не менее поведение Хикса меня взбесило. Напомнив себе, что я гость Тома, я проглотил готовую сорваться с языка реплику. Гарднер тоже не выглядел довольным, выслушивая ответ Тома.

– Доктор Хантер находится здесь по моему приглашению. Он один из ведущих криминалистов-антропологов Великобритании.

Хикс недоверчиво фыркнул.

– Хочешь сказать, нам своих не хватает?

– Хочу сказать, что весьма ценю его опыт, – спокойно возразил Том. – А теперь, коль уж мы здесь, я бы хотел приступить к делу.

Хикс пожал плечами и с преувеличенной вежливостью ответил:

– Милости прошу. И уж поверь, я охотно уступаю тебе место.

Развернувшись, он направился к припаркованным машинам. А мы с Томом, оставив обоих агентов БРТ снаружи, двинулись к складному столику, где лежали одноразовые комбинезоны, перчатки, маски и бахилы. Я подождал, пока мы не окажемся за пределами слышимости.

– Том, послушай, может, это и не такая уж хорошая идея. Я могу подождать в машине.

Он улыбнулся.

– Не обращай на Хикса внимания. Он работает в морге Медицинского центра университета Теннесси, так что мы с ним периодически пересекаемся. И он терпеть не может полагаться на нас в подобных ситуациях. Отчасти это профессиональная ревность, но в основном потому, что он просто козел.

Я понимал, что Том пытается меня успокоить, но все равно мне было как-то неловко. Я давно привык осматривать тело на месте преступления, но сейчас прекрасно отдавал себе отчет, что в данной конкретной ситуации я чужой.

– Ну, не знаю... – начал я.

– Нет никаких проблем, Дэвид. И ты оказываешь мне услугу. Честное слово.

Я решил не настаивать, но сомнения все же оставались. Я знал, что должен быть признателен Тому: мало кому из английских криминалистов подворачивалась возможность поработать на месте преступления в Соединенных Штатах, – но по какой-то причине нервничал куда больше обычного. Я даже в общем-то не обижался на Хикса за его враждебность. Доводилось сталкиваться с куда худшими проявлениями. Нет, все дело во мне самом. За последние месяцы в какой-то момент я словно утратил вместе со всем прочим и уверенность в себе.

Давай соберись. Ты не можешь подвести Тома.

Пока мы облачались в комбинезоны, к столику подошел Гарднер.

– Вам лучше сперва раздеться до трусов. Там очень жарко.

– Я не раздевался на публике со школьных времен, – фыркнул Том. – И не собираюсь начинать.

Гарднер отмахнулся от какого-то насекомого, жужжавшего у него перед лицом.

– Ладно, только потом не говори, что я не предупреждал.

Я не страдал от избытка скромности, как Том, но тем не менее последовал его примеру. Я и без того чувствовал себя неловко, чтобы еще раздеваться до подштанников на глазах у всех. К тому же сейчас только весна и солнце уже клонилось к закату. Насколько жарко может быть в коттедже?

Гарднер порылся в коробках, выудил баночку с ментоловой мазью, жирно намазал под носом и протянул банку Тому.

– Тебе понадобится.

– Нет, спасибо, – отказался Том. – Мой нюх уже не тот.

Гарднер молча протянул баночку мне. Обычно я тоже этим не пользовался. Как и Том, я был отлично знаком с запахом разложения, а проведя всю неделю на «труп-ферме», и совсем к нему привык. Но все же взял баночку и смазал пахучей мазью над верхней губой. Глаза тут же заслезились от резких испарений. Я вдохнул поглубже, стараясь успокоить натянутые нервы.

Да что с тобой, к черту, происходит?! Ведешь себя так, словно в первый раз.

Солнце грело мне спину, пока я ждал Тома. Клонившееся к закату, оно скользило по верхушкам деревьев на своем пути к горизонту, предвещая скорое наступление вечера. Оно снова взойдет завтра утром вне зависимости от того, что тут произошло, напомнил я себе.

Том закончил застегивать комбинезон и жизнерадостно улыбнулся.

– Ну, давайте глянем, что у нас тут.

Натягивая латексные перчатки, мы направились ко входу в коттедж.

3

Двери коттеджа были закрыты. Гарднер чуть задержался. Свой пиджак он положил на столик с комбинезонами, натянул бахилы и перчатки, а потом и хирургическую маску. Я видел, как он набрал в грудь побольше воздуха, прежде чем открыть дверь в коттедж и впустить нас внутрь.

Мне доводилось видеть самые разные трупы. Я знаю, как пахнет смерть на разных стадиях разложения, даже умею различать стадии по запаху. Мне попадались тела, сгоревшие до костей, превратившиеся в мыльную массу от воздействия воды. Все это малоприятно, но является непременной составляющей моей работы, и я полагал, что давно ко всему привык.

Но такого, как здесь, я сроду не встречал. Вонь стояла такая густая, что, казалось, ее можно пощупать. Тошнотворный сладковатый запах разлагающейся плоти был настолько концентрированный, что пробивался сквозь ментол у меня под носом с такой легкостью, словно я ничем и не мазал. В коттедже роились тучи мух, жизнерадостно жужжа вокруг нас, но они казались сущей ерундой по сравнению с царившей тут жарой.

Внутри коттеджа было как в сауне.

– Бог ты мой... – поморщился Том.

Мы оказались в небольшом, скудно обставленном помещении. Работающие тут криминалисты на секунду оторвались от своих занятий, чтобы поглядеть на нас. Закрытые ранее занавески раздвинули, чтобы впустить сюда дневной свет через окна, расположенные по обе стороны от двери. Покрашенные черной краской доски пола были прикрыты ткаными ковриками. Над камином на одной стене висела пара пыльных оленьих рогов, возле другой находились металлическая раковина, плита и холодильник. Остальные предметы – телевизор, софа и кресла – были небрежно сдвинуты в сторону, освобождая центр комнаты, где оставался только небольшой обеденный стол.

На котором и было тело.

Обнаженное, лежащее навзничь, руки и ноги свисали по краям стола. Раздувшийся от газов торс походил на раскрытую битком набитую спортивную сумку. С него на пол сыпались личинки, и их было так много, что копошащаяся масса походила на кипящее молоко. Рядом со столом находился электрообогреватель, и все три его лампы светились желтым светом. У меня на глазах одна личинка упала прямо на них и мгновенно превратилась в дым.

Дополнял картину стул со спинкой, стоявший у головы жертвы. Это выглядело вполне невинно, если не задумываться, для чего он там, собственно, поставлен.

Кто-то хотел хорошенько рассмотреть результат своего деяния.

Наша группа так и застыла в дверях. Даже Том казался ошарашенным.

– Мы все оставили в том же состоянии, как и нашли, – пояснил Гарднер. – Подумали, что ты сам захочешь измерить температуру в помещении.

В моих глазах он сразу вырос на пару пунктов. Температура – очень важный фактор для определения времени, прошедшего с момента смерти, но мало кто из следователей, с которыми мне доводилось иметь дело, вспомнил бы об этом. Хотя в данном случае я бы предпочел, чтобы Гарднер оказался менее скрупулезным. Сочетание жары и вонь было просто невыносимым.

Том рассеянно кивнул, он уже полностью сосредоточился на трупе.

– Поможешь, Дэвид?

Я поставил кейс на чистое место на полу и раскрыл его. Том носил с собой практически то же оборудование, что и несколько лет назад, когда мы познакомились. Все далеко не новое и аккуратно разложено по местам. Но, будучи в душе консерватором, он все же признавал пользу новых технологий. Том сохранил свой старый ртутный термометр, элегантное творение

инженерной мысли из стекла и металла, но рядом лежал вполне современный цифровой. Я включил его, на дисплее замелькали цифры.

– Сколько вы тут еще пробудете? – спросил Том у Гарднера, покосившись на работающие в комнате фигуры в белых комбинезонах.

– Еще некоторое время. Тут слишком жарко, чтобы задерживаться надолго. У меня один агент уже сознание потерял.

Том склонился над трупом, тщательно обойдя кровавые пятна на полу. Он поправил очки.

– Температуру измерил, Дэвид?

Я глянул на дисплей. Меня уже начал заливать пот.

– Сорок три и пять.

– Теперь уже можно выключить этот чертов обогреватель? – спросил один из криминалистов, здоровенный мужик с пивным брюхом, обтянутым комбинезоном. Видимая за маской часть его физиономии была красной и потной.

Я глянул на Тома. Тот кивнул.

– Окна тоже можно открыть. Свежий воздух тут не помешает.

– Слава тебе Господи, – выдохнул здоровяк, выключая обогреватель. Как только лампы потускнели, он тут же раскрыл все окна настежь. Свежий воздух полился в коттедж, и раздались облегченные вздохи присутствующих.

Я подошел к Тому, внимательно рассматривающему тело.

Гарднер несколько не преувеличивал: убийство, вне всякого сомнения. Конечности жертвы, свисавшие по сторонам стола, были привязаны к ножкам клейкой лентой. Кожа натянута как на барабане и приобрела цвет старой дубленой, что усложняло определение этнической принадлежности. Светлая кожа после смерти темнеет, а темная, наоборот, зачастую светлеет, смешивая цвет и расу. Куда более очевидными были разрезы. Конечно, кожа трескается, когда тело начинает разлагаться и его распирают газы, но эти разрезы явно не были естественного происхождения. Высохшая кровь заляпала стол вокруг тела и коврик на полу. И лилась она из открытой раны, может быть, даже не одной, из чего следовал вывод, что как минимум некоторые травмы эпидермиса произошли, когда жертва была еще жива. Этим же объясняется и огромное количество личинок падальной мухи, поскольку эти мухи откладывают личинки в каждое отверстие, которое найдут.

Но даже с учетом всего этого я не припоминал, чтобы прежде видел такое количество личинок с одного тела. Рядом с трупом аммиачный запах был почти невыносим. Личинки заполнили глаза, нос, рот и гениталии, так что даже пол жертвы невозможно было определить.

Я поймал себя на том, что слежу глазами за тем, как они копошатся в дырке на животе, отчего кожа вокруг шевелилась как живая. И невольно прижал рукой свой собственный шрам.

– Дэвид? Ты в норме? – тихо спросил Том.

Я с трудом оторвал глаза от трупа.

– Да.

И начал доставать из кейса баночки для образцов.

Я ощутил на себе его взгляд. Но Том не стал продолжать тему и повернулся к Гарднеру.

– И что нам известно?

– Негусто. – Голос Гарднера приглушала маска. – Тот, кто это сотворил, очень методичен. Никаких следов в крови – значит, убийца тщательно следил, куда ставит ноги. Коттедж был арендован в прошлый четверг неким Терри Лумисом. Никакого описания. Резервирование и оплата по кредитке сделаны по телефону. Голос мужской, акцент местный, и этот малый попросил, чтобы ключи оставили под ковриком у двери коттеджа. Сказал, что приедет поздно.

– Удобно, – сказал Том.

– Очень. Похоже, они тут не очень-то озабочены бюрократией, лишь бы бабки платили. Аренда коттеджа закончилась сегодня утром, и когда ключи не вернули, управляющий пришел, чтобы все проверить и убедиться, что ничего не пропало. Местечко такое, как видишь, что его беспокойство вполне понятно. – Он окинул взглядом ветхий коттедж.

Но Том пропустил эту реплику мимо ушей.

– Коттедж был арендован только с прошлого четверга? – уточнил он. – Ты уверен?

– Так сказал управляющий. Дата совпадает с датой регистрации заявки и оплаты по кредитке.

– Не может такого быть, – нахмурился Том. – Это же всего пять дней назад.

Я думал о том же. Разложение зашло слишком далеко для столь короткого промежутка времени. Плоть уже приобрела творожистую консистенцию, начался процесс брожения и разложения, и потемневшая кожа сползала с нее как мятый костюм. Конечно, электрообогреватель мог ускорить процессы до определенной степени, но это не объясняло наличия огромного количества личинок. Даже в разгар летней жары и во влажном климате Теннесси требуется не меньше семи дней, чтобы разложение дошло до такой стадии.

– Когда его нашли, двери и окна были закрыты? – машинально спросил я Гарднера. Не тот случай, чтобы продолжать молчать.

Тот недовольно поджал губы, но все же ответил:

– Закрыты, заперты и занавешены.

Я отмахнулся от вьющихся перед лицом мух. Несмотря на свой немалый опыт, я так и не смог к ним привыкнуть.

– Слишком много насекомых для закрытого помещения, – сказал я Тому.

Он кивнул. Пинцетом аккуратно снял личинку с трупа и поднес к свету, чтобы рассмотреть.

– Что скажешь?

Я пригляделся. У личинок мух три стадии развития, называемые возрастными, за которые личинки постепенно увеличиваются в размере.

– Третья стадия, – сказал я. Это означало, что личинке как минимум шесть дней, а может, и больше.

Том кивнул, бросив личинку в маленькую баночку с формальдегидом.

– А некоторые уже начали окукливаться. Значит, смерть наступила шесть или семь дней назад.

– Но никак не пять, – добавил я. Рука невольно опять потянулась к шраму, но я удержался. Давай же, соберись! Я заставил себя сосредоточиться на том, на что смотрю. – Полагаю, его убили где-то в другом месте и привезли сюда уже мертвым.

Том поколебался. Я заметил, как двое криминалистов переглянулись, и мгновенно осознал свою ошибку. Лицо вспыхнуло. Ох и дураак...

– Нет необходимости привязывать руки и ноги к столу, если жертва уже мертва, – проговорил здоровенный криминалист, странно на меня поглядев.

– Ну, может, в Англии трупы поживей, чем у нас тут, – невозмутимо изрек Гарднер.

Раздались смешки. Я чувствовал, как горит лицо, но ничего не мог сделать, чтобы исправить ситуацию. Идиот. Да что с тобой такое?!

Том невозмутимо завинтил крышку баночки.

– По-твоему, этот Лумис убийца или жертва? – спросил он Гарднера.

– Ну, в найденном тут портмоне обнаружили права и кредитки Лумиса. И более шестидесяти долларов наличных. Мы проверили. Тридцать шесть лет, белый, страховой агент в Ноксвилле. Не женат, живет один, отсутствует на работе несколько дней.

Дверь коттеджа распахнулась, и вошла Джейкобсен. Как и Гарднер, она надела перчатки и бахилы, но даже в таком виде умудрялась выглядеть элегантно. Маску она надевать не стала, и когда подошла и встала рядом со старшим агентом, ее лицо было бледным.

– Значит, если только убийца не забронировал коттедж под собственным именем и предусмотрительно забыл тут свое удостоверение личности, можно предположить, что этот покойник либо Лумис, либо какой-то другой неизвестный мужчина, – сказал Том.

– Примерно так, – ответил Гарднер и замолчал при виде появившегося в дверях очередного агента.

– Сэр, вас там спрашивают.

– Сейчас вернусь, – бросил Гарднер Тому и вышел наружу.

Джейкобсен осталась в коттедже. Лицо ее было по-прежнему бледным, а руки она крепко сжимала на животе, словно стараясь удержать малейшие проявления слабости.

– Откуда вы знаете, что это мужчина? – поинтересовалась она. Глаза ее при этом машинально устремились на личинки, копошащиеся в области паха жертвы, но она быстро отвела взгляд в сторону. – Я не вижу ничего, что позволило бы сделать такой вывод.

Ее акцент был не таким ярко выраженным, как мне доводилось слышать, но все же достаточно явно свидетельствовал, что она местная уроженка. Я покосился на Тома, но тот сосредоточился на трупе. Или делал вид.

– Ну, помимо роста... – начал я.

– Не все женщины низкорослые.

– Безусловно, но таких высоких не много. Но даже у такой рослой женщины строение костей было бы тоньше, особенно черепа. Это...

– Я знаю, что такое череп.

Господи, да она сварливая.

– Я хотел сказать, что, как правило, это отличный индикатор пола жертвы, – договорил я.

Она упрямо вздернула подбородок, но больше ничего не сказала. Том выпрямился, закончив изучение разверстого рта трупа.

– Дэвид, взгляни-ка на это.

Он отодвинулся, уступая мне место. Большая часть мягких тканей на лице уже исчезла. В глазных и носовой впадинах кишели личинки. Зубы были почти все на виду, и обычно желтовато-белый дентин имел явно выраженный красноватый оттенок.

– Розовые зубы, – прокомментировал я.

– Доводилось видеть такое прежде? – спросил Том.

– Пару раз.

Но не часто. И не в такой ситуации.

Джейкобсен внимательно слушала.

– Розовые зубы?

– Такое случается, когда гемоглобин вынужденно поступает в дентин, – пояснил я. – И придает зубам под эмалью розоватый оттенок. Такое иногда можно увидеть у утопленников, пробывших некоторое время в воде, поскольку голова обычно уходит вниз.

– Почему-то мне кажется, что в данном случае мы имеем дело не с утопленником, – заметил вернувшийся в коттедж Гарднер.

С ним пришел еще один человек. Новоприбывший тоже облачился в бахилы и перчатки, но почему-то я понял, что он не очередной полицейский или агент БРТ. Лет сорока пяти, не то чтобы пухлый, но лощеный и упитанный. В слаксах и легкой замшевой куртке, голубой рубашке. Щетина на круглых щеках заметная, но не настолько длинная, чтобы называться бородой.

Но обманчиво небрежный вид был слишком уж продуман, словно мужчина копировал стиль с изысканных моделей в журнале мод. Одежда хорошо пошитая и дорогая, рубашка рас-

стегнута на одну пуговицу ниже, чем надо. А якобы небрежная щетина и прическа чуть более аккуратные, чем следовало бы, и это выдавало тщательный уход.

Вошедший излучал самоуверенность. Его улыбка ничуть не изменилась, пока он рассматривал привязанный к столу труп.

Гарднер снял маску. Возможно, из уважения к новоприбывшему, не потрудившемуся ее надеть.

– Профессор Ирвинг, если не ошибаюсь, вам не доводилось еще встречаться с Томом Либерманом?

Мужчина улыбнулся Тому.

– Нет, боюсь, наши пути ранее не пересекались. Надеюсь, вы меня простите, что не протягиваю руки. – Он театральным жестом поднял руки в перчатках.

– Профессор Ирвинг – профайлер, работавший с БРТ в ходе ряда исследований, – объяснил Гарднер. – Нам нужен психологический портрет убийцы в этом деле.

Ирвинг скромно ухмыльнулся.

– Вообще-то я предпочитаю называться бихевиори-стом. Но не стану пререкаться из-за этого.

Ты только что это сделал. Я мысленно велел себе не срывать на нем свое настроение.

Том был сама вежливость, но в его улыбке мне почудился некоторый холодок.

– Приятно познакомиться, профессор Ирвинг. Это мой друг и коллега доктор Хантер, – добавил он, исправляя оплошность Гарднера.

Ирвинг вполне учтиво кивнул мне, но было совершенно очевидно, что на его радаре меня нет. Все его внимание уже обратилось на Джейкобсен, улыбка стала еще шире.

– Кажется, я не расслышал ваше имя?

– Диана Джейкобсен. – Она казалась чуть ли не взволнованной; выказанное доселе хладнокровие грозило вот-вот рухнуть, когда она шагнула вперед. – Очень приятно с вами познакомиться, профессор Ирвинг. Я читала многие ваши работы.

Ирвинг расплылся в совсем уже широкой улыбке. И я невольно отметил, насколько неестественно белые и ровные у него зубы.

– Надеюсь, вам понравилось. И пожалуйста, зовите меня Алекс.

– Диана специализировалась в области психологии, прежде чем прийти к нам в БРТ, – сообщил Гарднер.

Брови профайлера поползли вверх.

– Правда? Ну тогда мне придется удвоить осторожность, чтобы не обмишуриться. – Конечно, он не потрепал ее по щеке, но впечатление было именно таким. Он повернулся к трупу, и улыбку сменила брезгливая гримаса.

– Он знал деньки и получше, а? Можно еще ментоловой мази, пожалуйста?

Просьба не была обращена к кому-то конкретно. После короткой паузы женщина из команды криминалистов нехотя направилась на улицу за мазью. Потирая пальцы, Ирвинг молча слушал Гарднера, вводящего его в курс дела. Когда женщина-криминалист вернулась, профайлер, не поблагодарив, взял мазь, мазнул себе под носом и отдал баночку обратно.

Женщина сперва поглядела на баночку, потом все же взяла.

– Всегда пожалуйста.

Если Ирвинг и заметил сарказм, то вида не подал. Том, доставая из сумки очередную баночку для образцов, весело глянул на меня, затем снова повернулся к телу.

– Я бы предпочел, чтобы вы подождали, пока я закончу, если не возражаете.

Говоря эти слова, Ирвинг даже не поглядел на Тома, будто считал само собой разумеющимся, что все присутствующие станут выполнять его пожелания. Я заметил, как в глазах Тома мелькнуло раздражение, и на миг подумал, что он возразит. Но не успел Том и рта рас-

крыть, как его лицо вдруг передернулось в гримасе. Все произошло так быстро, что я бы мог подумать, что мне это привиделось, кабы не его внезапная бледность.

– Думаю, мне надо глотнуть свежего воздуха. Тут чертовски жарко.

Он неуверенно двинулся к дверям. Я шагнул было за ним, но Том, качнув головой, остановил меня:

– Тебе не стоит уходить. Можешь начать фотографировать, как только профессор Ирвинг закончит. Я просто выйду попить водички.

– В холодильнике у столов бутылки с ледяной водой, – сказал ему Гарднер.

Я с тревогой смотрел Тому вслед, но было совершенно ясно, что он не хочет привлекать внимание. Судя по всему, больше никто не заметил, что с ним что-то не так. Он стоял ко всем спиной, кроме меня и Ирвинга, а профайлер ни на что не обращал внимания. Ирвинг, потирая подбородок, слушал продолжавшего пояснения Гарднера, внимательно глядя на лежащего на столе мертвого мужчину. Когда агент БРТ закончил, профайлер не проронил ни слова и не шелохнулся. Вся его поза выражала глубокое раздумье. Определяющее слово – поза. Я мысленно велел себе быть посписходительней.

– Вы, конечно, понимаете, что имеете дело с серийным убийцей? – изрек профайлер, наконец очнувшись.

Гарднер казался смущенным.

– Мы пока в этом не уверены.

Ирвинг снисходительно улыбнулся.

– О, думаю, можно быть вполне уверенными. Посмотрите, как лежит тело. Его специально выложили для нас. Голый, привязанный и скорее всего подвергшийся пыткам, а потом оставленный лежать лицом вверх. Нет никаких признаков сожаления или раскаяния, никаких попыток закрыть жертве глаза или перевернуть лицом вниз. В этой мизансцене все буквально кричит о расчете и наслаждении действием. Ему нравилось то, что он делал с жертвой. Вот почему он хотел, чтобы вы это увидели.

Гарднер воспринял новость со смирением. Должно быть, он и сам все это понимал.

– Значит, убийца – мужчина?

– Безусловно. – Ирвинг хохотнул, будто Гарднер сказал что-то смешное. – Помимо всего прочего, убитый был явно сильным человеком. Думаете, женщина способна сотворить такое?

Ты себе не представляешь, на что способны некоторые женщины. Я почувствовал, как дернулся шрам на животе.

– Мы тут видим просто фантастическую самонадеянность, – продолжил Ирвинг. – Убийца наверняка знал, что тело найдут, когда истечет срок аренды. Господи, да он даже оставил бумажник, чтобы вы могли идентифицировать жертву. Нет, это не единичный случай. Наш мальчик только начал.

Похоже, такая перспектива профайлеру нравилась.

– Может быть, бумажник не принадлежит жертве, – без особого воодушевления возразил Гарднер.

– Не согласен. Убийца слишком аккуратен, чтобы забыть тут свой собственный бумажник. Готов поспорить, что он даже лично арендовал этот коттедж. Он не случайно зашел и вдруг решил убить любого, кто здесь окажется. Это все слишком хорошо спланировано, слишком хорошо организовано. Нет, он арендовал коттедж на имя жертвы, а потом уже привез ее сюда. Чудненькое изолированное местечко, наверняка заранее присмотренное, где он мог мучить жертву в свое удовольствие.

– Почему вы так уверены, что жертву мучили? – спросила Джейкобсен. Она впервые раскрыла рот с того момента, как Ирвинг поставил ее на место.

Профайлер, казалось, наслаждался собой.

– А зачем еще привязывать жертву к столу? Он не просто привязан, он распят. Убийца хотел растянуть удовольствие, насладиться сполна. Думаю, вряд ли можно найти следы спермы или сексуального насилия?

Я не сразу сообразил, что вопрос адресован мне.

– Да, на такой стадии разложения это невозможно.

– Жаль. – Это прозвучало так, будто он не получил приглашение на прием. – И тем не менее, судя по количеству крови на полу, совершенно очевидно, что раны жертве нанесены еще при жизни. И я считаю, что обезображивание половых органов тоже имеет огромное значение.

– Не обязательно, – машинально заговорили. – Падальные мухи откладывают личинки во все отверстия, включая половые органы. И наличие личинок вовсе не означает, что там была рана. Нужно провести полное обследование, чтобы это точно определить.

– Неужели? – Улыбка Ирвинга увяла. – Но вы ведь допускаете, что кровь откуда-то шла? Или эта грязь под столом – просто разлитый кофе?

– Я просто указал на то, что... – начал я, но Ирвинг уже не слушал.

Я сердито замолк, когда он повернулся к Гарднеру и Джейкобсен.

– Как я уже говорил, мы тут имеем связанную и нагую жертву, которую привязали к столу и скорее всего изувечили. Вопрос лишь в том, нанесены ли раны в припадке посткоитальной ярости или из-за сексуальной неудовлетворенности. Иными словами, раны были нанесены из-за того, что у него встал или, наоборот, не встал.

Эти слова были встречены молчанием. Даже команда криминалистов прекратила свою работу, чтобы послушать.

– Вы считаете, что тут сексуальный мотив? – через некоторое время спросила Джейкобсен.

Ирвинг изобразил удивление. Я ощутил, как моя неприязнь к нему еще немного возросла.

– Извините, но я полагал, это очевидно, исходя из того, что жертва обнажена. Вот почему раны так важны. Мы имеем дело с человеком, который либо отрицает свою сексуальность, либо питает к ней отвращение и выплескивает отвращение к себе на своих жертв. Как бы то ни было, он не является открытым гомосексуалистом. Он может быть женат, являться столпом общества. Быть может, это кто-то, кто любит хвастаться сексуальными победами над женщинами. Это убийство совершил человек, ненавидящий свою сущность, он сублимирует самоотвращение в агрессию по отношению к своим жертвам.

Лицо Джейкобсен оставалось бесстрастным.

– Мне показалось, вы сказали, что убийца гордится тем, что он сделал? Что нет никаких признаков раскаяния или сожаления?

– Да, в том, что касается непосредственно убийства. Тут он бьет себя в грудь, пытаясь убедить всех – включая и себя самого, – насколько он великий и могучий. Но причина, по которой он это делает, совсем иная. Это то, чего он стыдится.

– Могут быть и другие объяснения тому, что жертва обнажена, – заявила Джейкобсен. – Это может быть способ унижения или способ контролировать жертву.

– Как бы то ни было, контроль всегда сводится к сексу, – улыбнулся Ирвинг, но его улыбка стала слегка натянутой. – Серийные убийцы – геи встречаются редко, но все же они есть. И судя по тому, что я тут вижу, мы, вполне вероятно, можем иметь дело именно с таким субъектом.

Но Джейкобсен явно не собиралась сдаваться.

– Мы недостаточно знаем мотивы убийцы, чтобы...

– Простите, но у вас большой опыт в расследовании дел серийных убийц? – Улыбка Ирвинга стала ледяной.

– Нет, но...

– Ну тогда вы, может быть, избавите меня от популярной психологии?

Теперь даже намек на улыбку не наблюдалось. Джейкобсен не отреагировала, но появившиеся на щеках красные пятна ее выдали. Я ей посочувствовал.

Ошибалась она или нет, но такого обращения она не заслуживала.

Воцарилось неловкое молчание. Его нарушил Гарднер.

– Так что насчет жертвы? Как по-вашему, убийца мог быть с ним знаком?

– Может, да, а может, нет. – Ирвинг, казалось, утратил всякий интерес. Он теребил воротник рубашки, круглая физиономия покраснела и вспотела. В коттедже стало попрохладней, после того как открыли окна, но жара тут еще царила удушающая. – У меня все. Мне понадобятся еще отчеты криминалистов и фотографии, ну и вся прочая информация о жертве, которую вы получите.

Он обернулся к Джейкобсен с обаятельной, как он, по-моему, считал, улыбкой.

– Надеюсь, вы не обиделись на некоторое расхождение во мнениях. Быть может, мы сможем как-нибудь за рюмочкой продолжить эту беседу.

Джейкобсен ничего ему не ответила, но, судя по тому, каким взглядом его одарила, я б на его месте не особо раскатывал губу. Профайлер зря тратил время, если пытался ее обаять.

Как только Ирвинг ушел, обстановка в коттедже стала менее накаленной. Я достал из кейса Тома фотоаппарат. Наше основное правило – всегда самим делать снимки трупа независимо от того, фотографировал на месте преступления еще кто-нибудь или нет. Но не успел я начать съемку, как раздался громкий голос одного из криминалистов:

– По-моему, я тут кое-что обнаружил.

Говорил тот самый здоровяк. Он стоял на коленях возле софы, пытаясь что-то достать из-под нее. Он вытащил оттуда маленький серый цилиндрок, с поразительной осторожностью сжимая его пальцами в перчатке.

– Что это? – подошел к нему Гарднер.

– Похоже на кассету от пленки, – ответил тот, отдуваясь. – Для тридцатипятимиллиметровой камеры. Должно быть, закатилась туда.

Я поглядел на фотоаппарат у себя в руке. Цифровой, каким обычно фотографируют нынче большинство экспертов-криминалистов.

– Неужели кто-то еще пользуется пленкой? – удивилась женщина-криминалист. Та самая, что принесла Ирвингу ментоловую мазь.

– Только самые упертые и пуристы, – ответил здоровяк. – Мой двоюродный брат на нее молится.

– Он тоже занимается гламурной фотографией, как и ты, Джерри? – поинтересовалась женщина, вызвав всеобщий смех.

Но Гарднер даже бровью не повел.

– Внутри есть что-нибудь?

Здоровенный агент открыл крышечку.

– Нет, пусто. Хотя погоди-ка...

Он поднес сверкающий цилиндрок к свету и, прищурившись, посмотрел на его поверхность.

– Ну? – поторопил его Гарднер.

Я даже под маской увидел, как агент Джерри ухмыляется. Он потряс кассету.

– Фотографий предложить не могу. Тебя устроит вместо этого отличный четкий отпечаток пальца?

Когда мы с Томом выехали обратно в Ноксвилл, солнце уже садилось. Дорога вилась вдоль крутых, поросших деревьями склонов, закрывающих последние солнечные лучи, поэтому было темно, хотя небо над головой все еще оставалось голубым. Когда Том включил фары, нас внезапно окутала ночь.

- Что-то ты тихий, – заметил он через некоторое время.
- Просто задумался.
- Я так и понял.

Когда Том вернулся назад в коттедж, я с облегчением увидел, что он выглядит гораздо лучше. Оставшуюся работу проделали довольно спокойно. Мы сфотографировали тело и зарисовали его положение, затем взяли образцы тканей. Проанализировав аминокислоты и жировые кислоты, образующиеся при разрушении клеток, мы сможем определить время смерти с точностью до двенадцати часов. На данный момент все указывало на то, что жертва мертва как минимум шесть дней, а скорее всего даже семь. Однако, по словам Гарднера, коттедж был занят только пять дней. Что-то было не так, и хотя я потерял уверенность в собственных способностях, в одном я был уверен точно.

Природа не лжет.

Я сообразил, что Том ждет ответа.

- Я не очень-то блеснул сегодня, а?
- Не будь таким требовательным к себе. Все могут ошибиться.
- Но не до такой же степени. Я выставил себя дилетантом. Не подумал.
- Да ладно тебе, Дэвид. Ерунда это. К тому же ты, возможно, и прав. Что-то не так со временем смерти. Возможно, он был уже мертв, когда его притащили в коттедж. А тело привязали к столу, чтобы все выглядело так, будто его тут и убили.

Как бы мне ни хотелось в это верить, я с трудом мог себе такое представить.

– Тогда получается, все место преступления – сплошная постановка, включая кровь на полу. А любой, у кого хватает мозгов состряпать что-то столь убедительное, не может не понимать, что долго нас душить не получится. Так чего ради вообще заморачиваться?

На это Тому ответить было нечего. Дорога вилась между молчаливыми стенами деревьев, ветки мелькали в свете фар.

- Как тебе теория Ирвинга? – после некоторого молчания поинтересовался Том.
- Ты имеешь в виду, что это начало серии или насчет сексуальной подоплеки?
- Обе.
- Возможно, он прав в том, что это серийный убийца, – сказал я. Большинство убийц стараются скрыть свои преступления, спрятать тела жертв, а не выставлять их напоказ. А тут явно совершенно другой тип убийцы, с другими планами.
- А остальное?
- Не знаю. Уверен, Ирвинг знает свое дело, но... – Я пожал плечами. – Я бы сказал, что он несколько торопится с выводами. У меня сложилось впечатление, что он скорее видит то, что хочет видеть, а не то, что есть на самом деле.
- Люди, не понимающие, что мы делаем, могу подумать то же и о нас.
- По крайней мере то, что делаем мы, базируется на твердых уликах. А Ирвинг, как мне кажется, выдвигает слишком много предположений.
- Хочешь сказать, что никогда не прислушиваешься к своей интуиции?
- Может, и прислушиваюсь, но не позволяю ей дозвониться над фактами. Ты тоже, кстати.

Том улыбнулся.

– Помнится мне, была у нас с тобой уже дискуссия на эту тему в свое время. И конечно же, я не утверждаю, что нам следует во всем полагаться на интуицию. Но если пользоваться ею с умом, она свою службу сослужит. Мозг – весьма таинственный орган. И иногда он подспудно выстраивает цепочки. У тебя хорошая интуиция, Дэвид. И тебе следует научиться лучше к ней прислушиваться.

После того как я так лихо сел в лужу там, в коттедже, только этого мне и не хватало. Но я не собирался развивать тему, касающуюся меня лично.

– Подход Ирвинга к проблеме был вообще субъективен. Ему слишком нравилась идея, что убийца – скрытый гей, то есть нечто редкое и сенсационное. У меня сложилось впечатление, что он уже планирует свою следующую статью.

Том рассмеялся.

– Скорее книгу. Его книжки входили в список бестселлеров пару лет назад, и с тех пор он охотно сотрудничает с любой телевизионной компанией, согласной заплатить гонорар. Этот человек – бессовестный саморекламщик, но, надо отдать ему должное, у него есть и достижения.

– И готов поспорить, только о них все и слышали.

Том покосился на меня. В его очках отразился свет фар.

– Что-то ты циничен в последнее время.

– Просто устал. Не обращай внимания.

Том снова стал смотреть на дорогу. Я буквально кожей ощутил, каким будет следующий вопрос.

– Конечно, это не мое дело, но что случилось с той девушкой, с которой ты встречался? Дженни, кажется? Я не хотел об этом раньше говорить, но...

– Все кончено.

Была в этих словах некая жуткая завершенность, которая, казалось, не очень подходила ко мне и Дженни.

– Из-за того, что с тобой произошло?

– Отчасти.

Это и кое-что другое. Потому что у тебя на первом месте работа. Потому что тебя чуть не убили. Потому что она больше не хотела сидеть дома, думая, не случится ли это со мной снова.

– Мне очень жаль, – сказал Том.

Я кивнул, упорно глядя перед собой. Мне тоже.

Он щелкнул тумблером поворотника, сворачивая на другую дорогу. Еще более темную, чем предыдущая.

– Так когда у тебя начались проблемы с сердцем? – поинтересовался я.

Том пару мгновений молчал, затем фыркнул.

– Постоянно забываю об этом твоём медицинском образовании.

– Так что это? Стенокардия?

– Ну, так они говорят. Но я в порядке, ничего серьезного.

Нынче днем мне это показалось очень даже серьезным. Я припомнил, как часто с момента приезда сюда видел, что Том останавливается, чтобы отдышаться. Мне следовало раньше сообразить. И не будь я так заиклен на собственных проблемах, возможно, и сообразил бы.

– Тебе следует быть поосторожней, а не скакать по горным склонам, – сказал я.

– Я не собираюсь с собой нянчиться, – раздраженно ответил Том. – Я принимаю лекарства, все под контролем.

Я ему не поверил, но знал, когда надо отступить. Некоторое время мы молчали, оба отлично осознавая невысказанное. Машину осветили яркие огни передних фар едущего позади автомобиля.

– Так как насчет того, чтобы помочь мне завтра с осмотром? – спросил Том.

Труп должны были доставить в морг медицинского центра университета Теннесси в Ноксвилле. Поскольку о визуальной идентификации не могло быть и речи, приоритетной задачей было установление личности жертвы. Центр криминалистической антропологии имел собственные лаборатории, почему-то расположенные на спортивном стадионе «Нейланд» в Ноксвилле. Но они были скорее исследовательским расследованием реальных убийств. У БРТ тоже имелись свои лаборатории в Нашвилле, но морг МЦУТ в данном случае был удобнее. При

обычных обстоятельствах я бы тут же ухватился за возможность помочь Тому, но сейчас колебался.

– Не уверен, что гожусь для этого.

– Чушь, – с несвойственной ему резкостью отрезал Том. Потом вздохнул. – Послушай, Дэвид, я понимаю, в последнее время тебе пришлось нелегко. Но ты приехал сюда, чтобы снова встать на ноги, и лучший способ это сделать – начать работать.

– А как насчет Гарднера? – защищался я.

– Дэн иногда бывает резковат с теми, кого не знает, но он умеет ценить талант. К тому же я вовсе не нуждаюсь в его разрешении, чтобы брать себе ассистента. Обычно я попросту зову кого-нибудь из своих студентов, но в данном случае предпочитаю тебя. Ну разве только если ты сам не захочешь со мной работать.

Я сам не знал, чего хочу, но отказать Тому никак не мог.

– Ну, если ты уверен, то спасибо.

Удовлетворенный ответом, он снова сосредоточился на дороге. Внезапно машину изнутри залило светом – идущий сзади автомобиль приблизился. Свет фар, отражаясь от зеркала заднего вида, был слишком ярким, и Том прищурился. Фары автомобиля располагались довольно высоко, из чего можно было сделать вывод, что это либо пикап, либо небольшой грузовичок.

Том раздраженно прищелкнул языком.

– Что этот придурок, к черту, творит?

Он притормозил и прижался к обочине, чтобы пропустить машину, но та тоже притормозила, держась четко позади нас.

– Ладно, свой шанс ты упустил, – пробормотал Том, надавив на газ.

Автомобиль продолжал следовать за нами, висая у «универсала» на хвосте. Я обернулся, пытаясь рассмотреть, что же такое за нами едет, но слепящий свет фар не позволял рассмотреть ничего за задним стеклом, так что я так ничего и не разглядел.

Внезапно, скрежеща резиной, преследователь резко взял влево. Я успел увидеть смутные очертания пикапа и его темные задние стекла, когда тот с ревом промчался мимо нас. «Универсал» тряхнуло воздушным потоком, и пикап испарился, его задние фары быстро исчезли во тьме.

– Деревенщина чертов, – пробормотал Том.

Он включил плеер, и из динамиков полилась нежная мелодия Чета Бейкера, сопровождающая нас на обратном пути к цивилизации.

4

Том высадил меня у госпиталя, где я оставил свою машину. Мы с ним договорились встретиться завтра утром сразу в морге, и когда Том уехал, я с облегчением двинулся в отель. Все, что мне хотелось, – это принять душ, поесть, а потом попытаться поспать.

Я уже поднимался к себе в номер, когда вспомнил, что согласился поехать сегодня на вечеринку. Посмотрев на часы, я обнаружил, что осталось меньше получаса до приезда Пола.

Я со стоном плюхнулся на кровать. Меньше всего мне сейчас хотелось оказаться в какой-нибудь компании. Я отвык общаться, и у меня не было никакого настроения вести вежливые разговоры с незнакомыми людьми. Меня подмывало позвонить Полу и отказаться под каким-нибудь предлогом, только вот я никак не мог ничего путного придумать, чтобы не обидеть их своим отказом.

Давай, Хантер, сделай усилие. Боже тебя упаси замыкаться в себе! Я нехотя поднялся с постели. Времени оставалось лишь на то, чтобы быстро сполоснуться под душем, так что я скинул одежду, залез в кабину и включил душ на полную мощность. Шрам на животе казался неуместным и чужим, словно не был частью меня самого. И хотя уродливый розовый рубец уже не был болезненным, я по-прежнему не любил до него дотрагиваться. Полагаю, со временем я к нему привыкну, но пока еще нет.

Я подставил лицо под струйки воды, вдыхая поглубже влажный воздух в попытке избавиться от внезапно нахлынувших воспоминаний. Торчащая из живота под моими ребрами рукоятка ножа, горячая липкая кровь растекается вокруг меня по черно-белым плиткам...

Я, как собака, тряхнул головой, стараясь отбросить страшные картинки. Мне повезло. Грейс Страхан была одной из самых красивых женщин, каких мне доводилось видеть. И самой опасной, на чьей совести была смерть как минимум шести человек. Не найди Дженни меня вовремя, я бы пополнил собой список жертв. И хотя я понимал, что должен быть счастлив, что остался в живых, мне было трудно оставить происшедшее позади и двигаться дальше.

Особенно если учесть, что Грейс по-прежнему где-то бродит.

В полиции меня заверили, что ее арест – это лишь вопрос времени, ее состояние слишком нестабильно, чтобы она могла долго оставаться на свободе. Но Грейс – богатая женщина, одержимая жаждой мести, столь же иррациональной, сколь и смертельно опасной. Она так легко не сдастся. Она уже однажды попыталась убить молодую мать и ее дочку, и ей смогли помешать лишь ценой другой жизни. После того как Грейс на меня напала, Эллен и Анна Маклеод жили под защитой полиции, под чужими именами. Хотя их и гораздо труднее найти, чем ученого-криминалиста, числящегося в телефонном справочнике, истина заключается в том, что ни один из нас не будет в безопасности, пока Грейс на свободе.

С этим не так-то просто жить. Особенно теперь, когда шрам постоянно напоминает мне, насколько близко она уже сумела ко мне подобраться.

Я сделал воду настолько горячей, насколько мог вытерпеть, предоставляя ей смыть мрачные мысли. Затем вылез и растерся полотенцем так сильно, что кожу зашипало. Оделся и поспешил вниз. После горячего душа я почувствовал себя лучше, но все равно без особого энтузиазма спускался в фойе отеля. Пол уже сидел на диване и что-то старательно записывал в блокнот.

– Извини. Давно ждешь? – спросил я.

Он поднялся, засовывая блокнот в задний карман.

– Только что приехал. Сэм ждет в машине.

Он поставил машину на другой стороне улицы. Симпатичная женщина лет тридцати с длинными светлыми волосами сидела на месте рядом с водителем. Когда я уселся на заднее сиденье, она обернулась ко мне. Руки она держала на сильно округлившемся животе.

– Привет, Дэвид, рада тебя снова видеть!

– Я тоже рад тебя видеть! – ответил я совершенно искренне. Есть люди, с которыми мгновенно находишь общий язык, и Сэм была именно такой. До сегодняшнего вечера мы с ней встречались только раз, несколько дней назад, но казалось, что знакомы много лет. – Как себя чувствуешь?

– Ну, спину тянет, ноги болят, а об остальном тебе знать не захочется. Но, кроме этого, ни на что не жалуюсь. – Она улыбнулась, показывая, что говорит не всерьез. Сэм относилась к категории счастливиц, легко переносящих беременность. Она просто сияла здоровьем и, несмотря на некоторый дискомфорт, явно наслаждалась своим состоянием.

– Детеныш в последнее время разыгрался, – заметил Пол, ввинчиваясь в поток машин. – Я все твержу Сэм, что это верный признак того, что будет девочка, но она меня не слушает.

Они оба не захотели узнавать заранее пол ребенка. Сэм мне сказала, что это испортит сюрприз.

– Девочки не такие воинственные. Это мальчик.

– Спорим на ящик пива, что ты ошибаешься.

– Ящик пива? Ничего лучше придумать не мог? Дэвид, – возвала она ко мне, – вот скажи, ну что это за ставка в споре с беременной женщиной?

– По-моему, довольно хитроумная. Пить-то все равно будет он, даже если проиграет.

– Эй, тебе вроде как положено быть на моей стороне! – запротестовал Пол.

– Он умнее, чем ты думаешь, – поддела его Сэм.

Я начал понемножку отмякать, слушая их веселую перебранку. Было приятно видеть их счастье, и если я и испытывал некоторую зависть, то только чуть-чуть. Когда Пол свернул на стоянку, я ощутил разочарование из-за того, что поездка оказалась столь короткой.

Мы приехали в Старый город, некогда индустриальный центр Ноксвилла. Здесь по-прежнему еще оставалось несколько предприятий и складов, но в целом район облагородился, промышленность уступила место барам, ресторанам и апартаментам. Пол поставил машину чуть в стороне от ресторана, где была намечена встреча и где играла живая музыка. Это было старое кирпичное здание, обширное внутреннее пространство которого занимали столики. Там уже было полно народу, и нам пришлось протискиваться к большой группе людей, сидевших у окна. Полупустые кружки пива и смех указывали на то, что они тут уже некоторое время, и я на мгновение дал слабину, пожалев, что пришел.

Затем мне нашли местечко за столом, и сожалеть стало поздно. Меня со всеми перезнакомили, но я сразу же забыл имена. Кроме Пола и Сэм единственным знакомым мне человеком тут была Алана, криминалист-антрополог, сообщившая мне утром на «трупферме», где искать Тома. Она пришла с мускулистым мужчиной, которого я счел ее мужем, но остальных, сотрудников и студентов факультета, я не знал.

– Попробуй пиво, Дэвид, – порекомендовал мне Пол через голову Сэм. – У них тут своя пивоварня. И пиво тут фантастическое.

Я много месяцев практически не притрагивался к алкоголю, но сейчас чувствовал, что выпивка мне не помешает. Пиво оказалось темным и холодным, великолепным на вкус. Я выпил половину кружки чуть ли не залпом и со вздохом поставил ее на стол.

– Похоже, тебе это просто необходимо, – заметила сидевшая напротив Алана. – Тяжелый денек выдался, а?

– Вроде того, – согласился я.

– Мне тоже такое разок-другой выпадало.

Она подняла кружку в ироничном тосте. Я отхлебнул пива, чувствуя, как напряжение постепенно отступает. Атмосфера за столом царила свободная, и я легко влился в общую беседу. Когда принесли еду, я на нее буквально набросился. Заказал я стейк и зеленый салат. Оказывается, я даже не представлял себе, насколько проголодался.

– Ну как, весело?

Сэм улыбалась мне поверх стакана с минералкой. Я только кивнул, заглатывая кусок стейка.

– Это настолько очевидно?

– Угу. Впервые вижу, что ты расслабился. Тебе надо почаще выбираться в люди.

Я рассмеялся.

– Ну, не настолько уж я плох!

– Да нет, просто слегка напряженный. – Она ласково улыбнулась. – Я знаю, ты сюда приехал, чтобы вернуть душевное равновесие. Но ведь закон не запрещает тебе время от времени веселиться. Ты среди друзей, знаешь.

Я опустил глаза, тронутый ее словами куда больше, чем хотел признавать.

– Знаю. Спасибо.

Она поерзала на стуле и поморщилась, положив руку на живот.

– Все хорошо? – спросил я.

Она болезненно улыбнулась.

– Он немножко беспокойный.

– Он?

– Он, – решительно ответила Сэм, покосившись на Пола. – Совершенно точно он.

Тарелки унесли, потом последовал десерт и очередная выпивка. Я заказал кофе, зная, что если выпью еще пива, то утром сильно об этом пожалею. И откинулся на стуле, наслаждаясь жизнью. В голове слегка шумело.

А в следующее мгновение мое хорошее настроение полетело в тартарары.

Я уловил мускусный, чуть пряный и отлично знакомый запах. Секунду спустя он исчез, затерявшись среди ароматов еды и пива, но я точно знал, что мне не показалось. Осознание пронзило меня как удар тока. На миг я снова оказался на черно-белом полу в моем коридоре, металлический запах крови смешался с более тонким чувственным ароматом.

Духами Грейс Страхан.

Она здесь. Я подскочил, судорожно оглядываясь по сторонам. Круговерть запахов и мелькание лиц. Я внимательно всматривался, отчаянно выискивая приметы, выдающие знакомую фигуру, какой-нибудь прокол в маскировке. Она наверняка где-то здесь. Где же?

– Кофе?

Я тупо уставился на возникшую рядом со мной официантку. Девушка лет двадцати, чуть полноватая. Запах ее духов пробился сквозь запахи пищи и спиртного. Дешевые духи, резкие и в чрезмерном количестве. При ближайшем рассмотрении ничего общего с тонкими духами Грейс Страхан.

Просто небольшое сходство, достаточное, чтобы на секунду меня обмануть.

– Вы заказывали кофе? – повторила официантка, настороженно глядя на меня.

– Извините. Да, я.

Она поставила кофе передо мной и удалилась. Я еще не отошел от резкого выброса адреналина, руки и ноги дрожали. Я поймал себя на том, что судорожно, до боли, зажимаю рукой шрам на животе.

Идиот... Можно подумать, Грейс могла последовать за тобой...

Осознание, что нервы мои ни к черту даже здесь, вызвало горечь во рту. Я попытался заставить себя расслабиться, но сердце по-прежнему колотилось как бешеное. Мгновенно возникло ощущение нехватки воздуха. Шум и голоса казались невыносимыми.

– Дэвид? – Сэм озабоченно глядела на меня. – Ты бледный как простыня.

– Просто немного устал. Пойду-ка я домой.

Мне необходимо было покинуть помещение. Я вытащил из кошелька деньги, не замечая достоинства купюр.

– Погоди, мы тебя отвезем.

– Нет! – Я положил руку ей на предплечье прежде, чем она успела обратиться к Полу. – Пожалуйста, не надо. Со мной все нормально, честно.

– Точно?

Я заставил себя выдавить улыбку.

– Конечно!

Убедить ее мне явно не удалось, но я уже отодвинул стул и бросил на стол деньги, не имея ни малейшего представления, хватит этой суммы или нет. Пол и остальные по-прежнему были увлечены разговором, и мне было все равно, заметит ли кто-нибудь еще мой уход или нет. Пробираясь сквозь толпу к выходу, я с трудом сдерживался, чтобы не сорваться на бег. Оказавшись на улице, вдохнул прохладный весенний воздух, но не притормозил. Я шагал вперед, не зная, куда иду, да и мне было все равно. Я просто не хотел останавливаться.

Я сошел с тротуара и тут же отпрыгнул назад, когда слева от меня рявкнул клаксон. Буквально в нескольких дюймах от меня проехал трамвай, сияя в ночи светом окон. Я быстро перешел дорогу и зашагал дальше, сворачивая наугад. Прошли годы с тех пор, как я в последний раз был в Ноксвилле, и я понятия не имел ни где нахожусь, ни куда иду.

И мне было наплевать.

Я замедлил шаг, только когда заметил за уличными огнями темную полосу. Реку я почувствовал еще до того, как увидел. Влажный воздух наконец-то привел меня в чувство. Мокрый от пота, я облокотился на перила. Мосты, возведенные между посаженными деревьями берегами, казались во тьме тонкими арками, усеянными бусинками фонарей. Под ними, как и тысячи лет назад, текли спокойные воды реки Теннесси. И скорее всего будут течь еще тысячелетия.

Да что с тобой, к черту, творится? Сбежал со страху из-за каких-то паршивых дешевых духов. Но я был слишком выжат, чтобы устыдиться. Чувствуя себя одиноким, как никогда прежде, я достал телефон и пробежал записанные контакты. Номер Дженни высветился на дисплее. Я уже собрался было набрать ее номер, отчаянно желая снова с ней поговорить, еще раз услышать ее голос. Но сейчас в Англии раннее утро, и даже если позвоню, что я ей скажу?

Все уже давным-давно сказано.

– Который час, не подскажете? – раздался позади меня голос.

Я вздрогнул от неожиданности. Я стоял на темном пятнышке между фонарями, так что видел лишь огонек сигареты во рту мужчины. И запоздало сообразил, что на улицах никого нет. Дурак. Стоило топтать так далеко, чтоб тебя тупо ограбили.

– Половина одиннадцатого, – ответил я, напрягшись в ожидании нападения.

Но мужчина лишь благодарно кивнул и пошел дальше, растворившись в темноте за следующим фонарем. Меня затрясло. И не только от идущей от воды влажной прохлады.

По пустынной улице двигалась желтая машина такси. Я ее тормознул и поехал к себе в отель.

Самым ранним воспоминанием был кот.

До него, конечно, были и другие. Но кот – самое первое яркое воспоминание. И то, которое запомнилось и которое производишь снова и снова. Такое живое, что и по сей день чувствуешь, как солнце печет затылок, видишь свою тень перед собой на земле, когда наклоняешься вперед.

Почва мягкая, и ее легко копать. Ты копаешь обломком доски, выломанной из забора, куском белого штaketника, уже начавшего подгнивать. Доска грозит вот-вот сломаться, но тебе не надо глубоко копать.

Это неглубоко.

Сперва ты чувствуешь запах. Сильный сладковатый запах, одновременно и знакомый, и незнакомый. Ты на миг замираешь, нюхая влажную почву, взволнованно и восторженно. Ты знаешь, что не должен этого делать, но любопытство непреодолимо. У тебя есть вопросы. Много вопросов. Но нет ответов.

Ты натыкаешься на что-то буквально сразу, как продолжил копать. Что-то отличное от почвы. Ты соскребаешь оставшийся слой почвы, замечая, что вонь становится сильнее. И наконец, ты это видишь. Картонная коробка с намокшими и гниющими боками.

Когда ты пытаешься ее поднять, коробка начинает разваливаться под весом содержимого. Ты быстро кладешь ее обратно. Собственные пальцы кажутся чужими, когда ты берешься за крышку. Сердце замирает в груди.

Ты медленно открываешь коробку.

Кот превратился в грязный рыжий комок. Полуприкрытые глаза, тусклые и бесцветные, как сдувшиеся воздушные шарик. В шерсти полно насекомых, жуки на свету разбегаются в разные стороны. Ты восхищенно смотришь, как жирный червяк, извиваясь, вылезает из кошачьего уха. Ты трогаешь кота палочкой. И ничего не происходит. Тыкаешь сильнее. Опять ничего. У тебя в голове возникает слово. Ты его уже слышал, но до этого момента не понимал смысла.

Мертвый.

Ты помнишь, каким был кот. Толстый наглый котяра, вредный и царапучий. А теперь он стал... ничем. Как мог живой зверь, которого ты помнишь, превратиться в этот вот комок гниющей шерсти? В твоей голове роились вопросы, слишком сложные для тебя. Ты наклонился поближе, будто надеялся, что если приглядеться повнимательней, то найдешь ответ... и внезапно тебя отшвыривают в сторону. Лицо соседа перекошено от гнева, но есть в нем и еще что-то, тебе незнакомое. И только много лет спустя ты понимаешь, что это отвращение.

— Какого черта ты тут?.. Ах ты, больной маленький ублюдок!

Потом было еще много крика, и здесь, и в глубине дома. Ты даже не пытаешься объяснить, что ты сделал, потому что и сам толком не понимаешь. Но ни гневные слова, ни последовавшее наказание не изгнали из памяти то, что ты видел. Или что чувствовал, и по-прежнему чувствуешь даже теперь, где-то в глубине. Всепоглощающее ощущение чуда и неутолимое жадное любопытство.

Тебе пять лет. И вот так все и началось.

5

Казалось, время замедлилось, когда лезвие ножа устремилось ко мне. Я пытался его перехватить, но постоянно опаздывал. Лезвие проскальзывало сквозь захват, распарывая ладонь и пальцы до кости. Я чувствовал, оседая на пол, как теплая кровь хлещет из ладони. Кровь, заливая спереди рубашку, собиралась в лужицу на черно-белом полу, пока я сползал по стенке.

Я поглядел вниз, и увидел, что рукоятка ножа непристойно торчит из моего живота, и раскрыл рот в крике...

– Нет!

Я рывком сел на кровати, ловя воздух ртом. Я буквально чувствовал на себе кровь, горячую и мокрую. Я сбросил простыни, отчаянно стараясь разглядеть живот в тусклом свете луны. Но кожа была совершенно целой. Никакого ножа, никакой крови. Всего лишь блеск пота и грубый рубец шрама прямо под ребрами.

Боже... Я облегченно откинулся на спину, узнав свой гостиничный номер и убедившись, что, кроме меня, в комнате никого нет.

Сердце начало потихоньку успокаиваться, в ушах шумело. Я свесил ноги с кровати и неуверенно сел. Часы на прикроватной тумбочке показывали половину шестого утра. До звонка будильника оставался еще час, но я понимал, что, как бы мне ни хотелось спать, я все равно не засну.

Я неуклюже встал и включил свет. И начал уже сожалеть, что согласился помочь Тому с обследованием тела, найденного в коттедже. Душ и завтрак. И тогда все страхи исчезнут.

Я потратил пятнадцать минут на упражнения для пресса, затем прошел в ванную и включил душ. Подставив лицо под горячие струи, я предоставил воде смывать склизкие последствия кошмара.

Когда я вылез из душа, последние остатки сна растворились. В комнате имелась кофеварка, так что я ее запустил, а тем временем оделся и включил лэптоп. В Англии сейчас уже позднее утро, и я, потягивая кофе, проверял почту. Ничего срочного там не оказалось. Я ответил на послания, требовавшие ответа, а прочее оставил на потом.

Ресторан внизу уже работал, но желающих позавтракать не было, я оказался единственным клиентом. Я не стал брать вафли и оладьи, предпочтя тосты и фаршированные яйца. Я был голоден, когда спустился сюда, но осилил едва ли половину заказанного. В желудке стоял ком, хотя на то вроде бы и не было причины. Я всего лишь буду помогать Тому делать то, чем сам занимался много раз, и при куда худших обстоятельствах, чем сейчас.

Но попытки убедить себя, что все в порядке, успеха не имели.

К тому времени как я вышел на улицу, солнце уже вставало. Хотя стоянка еще находилась в тени, ночная синева неба начала бледнеть, сменяясь ярким золотом на горизонте.

Арендовал я «форд», и небольшое отличие в стиле и автоматическая коробка передач снова напомнили, что я в другой стране. Хотя было еще рано, но машины уже потихоньку заполняли улицы. Утро стояло чудесное. Как бы ни был застроен Ноксвилл, эта часть Теннесси все еще оставалась под властью природы. Весна была в самом начале, удушающая летняя жара и влажность еще не наступили, и в это время суток воздух сохранял утреннюю свежесть, не испорченную выхлопными газами.

Поездка до медицинского центра университета Теннесси заняла приятных двадцать пять минут. Морг находился в другой стороне от станции, но я помнил туда дорогу еще с прошлого приезда.

Мужчина в приемной морга оказался настолько огромным, что конторка рядом с ним выглядела детской игрушкой. На нем было столько мяса, что он казался бескостным, а ремешок

от часов утонул в толстом запястье как нитка в тесте. И дышал он с легким аденоидальным присвистом, пока я объяснял ему, кто я такой.

– Зал для аутопсии номер пять. Вон в ту дверь и дальше по коридору. – Голос у него оказался удивительно писклявым для такого громилы. Он улыбнулся ангельской улыбкой, протягивая мне электронный пропуск. – Мимо не пройдете.

Я приложил пропуск к двери и прошел в коридор, ведущий непосредственно в морг. Знакомые запахи формальдегида, детергентов и дезинфицирующих средств приветствовали меня. Том уже облачился в костюм для проведения аутопсии: хирургический балахон со штанами и резиновый фартук. Переносной плеер стоял на полочке, и оттуда лилась тихая ритмичная барабанная музыка, которую я не узнал. С Томом был еще один человек, одетый также. Он смывал с лежащего на алюминиевом столе тела насекомых и личинок падальной мухи.

– Доброе утро, – жизнерадостно поздоровался Том, когда дверь за мной закрылась.

Я кивнул на плеер.

– Бадди Рич?

– Совсем мимо. Луи Беллсон. – Том, склонившись над мокрой грудиной, выпрямился. – Ты рано.

– Да уж не раньше тебя.

– Я хотел, чтобы сделали рентгеновские снимки тела, – нужно отправить снимки зубов в БРТ. – Он указал на молодого человека, продолжавшего мыть труп. – Дэвид, это Кайл, один из работников морга. Я позвал его на помощь, пока тебя не было, только не говори Хиксу.

Работники морга были служащими офиса судмедэксперта, и это означало, что Хикс являлся непосредственным начальником Кайла. Я начисто забыл, что патологоанатом тоже обретается тут, и не завидовал тем, кто с ним работал. Но Кайла это, судя по всему, нисколько не волновало. Высокий, крепко сбитый, но еще не толстый. Приятное круглое лицо сияло под взъерошенной копной волос.

– Привет! – помахал он рукой в перчатке.

– Нам еще поможет одна из моих аспиранток, – продолжил Том. – Троим тут в принципе делать нечего, но я обещал, что возьму ее в помощницы на следующем вскрытии.

– Если я тебе тут не нужен...

– Работы будет много. И это просто означает, что закончим побыстрее. – Улыбка Тома ясно показывала, что так просто я не отделаюсь. – Хирургические балахоны, штаны и все остальное в раздевалке дальше по коридору.

Раздевалка оказалась в моем единоличном распоряжении. Повесив свои вещи в шкаф, я надел хирургический костюм и резиновый фартук. То, чем мы собирались заниматься, наверное, самая мрачная часть нашей работы, и уж конечно самая грязная. Анализ ДНК может занять до восьми недель, и отпечатки пальцев могут помочь при установлении личности, если отпечатки жертвы уже есть в базе данных. Но даже в случае, если труп находится в очень скверном состоянии, как нынешний, личность жертвы, а иногда и причину смерти, можно установить по костям скелета. Только вот прежде чем это сделать, нужно полностью очистить кости от мягких тканей.

Неприятная работенка.

Вернувшись к залу аутопсии, я помедлил перед дверью. Я слышал звук льющейся воды и как Том мурлычет под джазовую музыку. А если ты снова допустишь ошибку? Что, если ты больше не можешь этим заниматься?

Но я не мог позволить себе такие мысли. Я открыл дверь и вошел. Кайл закончил мыть тело. Мокрые останки мертвого мужчины сверкали как отполированные.

Том стоял возле тележки с хирургическими инструментами. Когда я подошел, он взял ножницы и подтянул поближе висевший над головой софит.

– Ладно, приступим.

Первый раз я увидел труп, будучи студентом. Это была молодая женщина, от силы лет двадцати пяти – двадцати шести, погибшая при пожаре. Она задохнулась от дыма, но ее тела огонь не коснулся. Она лежала на холодном столе под резким освещением морга. Глаза приоткрыты, между ресницами виднелись тусклые белки, а между бескровными губами немножко торчал кончик языка. Больше всего меня поразила ее неподвижность. Застывшая и неподвижная, как фотография. Все, чего она в жизни достигла, все, чем она была и кем надеялась стать, закончилось. Навсегда.

И это осознание ударило меня буквально физически. Я понял: что бы я ни делал, чему бы ни научился, одну тайну я никогда не смогу объяснить. Но последующие годы лишь укрепили мою решимость разгадать все вещественные загадки, с которыми доводилось сталкиваться.

А потом Кара и Элис, моя жена и шестилетняя дочка, погибли в автокатастрофе. И внезапно такие вещи приобрели вовсе не академический интерес.

На некоторое время я вернулся к профессии врача, думая, что это принесет если не ответы, то хотя бы утешение. Но я лишь обманывал сам себя. Как мы с Дженни выяснили на собственном горьком опыте, я не мог расстаться с любимым делом. Это то, чем я живу, это мое. Ну или я так думал, пока не получил нож в живот.

Теперь я вообще не был ни в чем уверен.

Работая над останками жертвы, я старался отбросить сомнения. Взяв образцы тканей и жидкостей на анализ, я скальпелем аккуратно срезал мышцы и сухожилия, удалил внутренние органы, буквально сдирая последние признаки человечности с тела. Кем бы он ни был, он был крупным мужчиной. Более точную информацию мы получим, измерив собственно скелет, но и так можно сказать, что в нем не меньше шести футов двух дюймов и мощное телосложение.

С таким не так-то просто справиться.

Мы работали практически молча, Том рассеянно подпевал под нос Дине Вашингтон, а Кайл скатал шланг и мыл поднос, в который смыл перед этим насекомых и прочие продукты разложения с тела. Я уже с головой погрузился в работу, когда двойная дверь в зал внезапно распахнулась.

Это оказался Хикс.

– Доброе утро, Дональд, – вежливо поприветствовал его Том.

Но Хикс не удостоил его ответом. В ярком свете лысый череп патологоанатома сверкал как мрамор. Он гневно воззрился на Кайла.

– Какого черта вы тут делаете, Вебстер? Я вас искал.

Кайл вспыхнул.

– Я просто...

– Он уже заканчивает, – мягко проговорил Том. – Я попросил его помочь. Дэн Гарднер хочет получить отчет как можно быстрее. Или у тебя есть возражения?

Если они и были, высказывать их Хикс поостерегся. Поэтому он снова накинута на Кайла:

– У меня на утро намечено вскрытие. Зал готов?

– Эмм... Нет, но я попросил Джейсона...

– Я велел вам это сделать, а не Джейсону. Уверен, доктор Либерман и его ассистент сами справятся, пока вы займетесь тем, за что вам платят зарплату.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что он имеет в виду меня. Том одарил его слабой улыбкой.

– Конечно, справимся.

Хикс фыркнул, разочарованный, что не вышло поскандалить.

– Я хочу, чтобы через полчаса все было готово, Вебстер. Позаботьтесь об этом.

– Да, сэр... Извините... – ответил Кайл, но патологоанатом уже покинул помещение. Двойная дверь захлопнулась за ним.

– Что ж, полагаю, всем нам стало легче, – заметил Том в тишине. – Прости, Кайл. Я не хотел доставлять тебе неприятности.

Молодой человек улыбнулся, но его щеки продолжали гореть огнем.

– Все в порядке. Но доктор Хикс прав. Мне и впрямь следовало...

Дверь распахнулась настежь прежде, чем он успел договорить. На миг я подумал, что вернулся Хикс, но вместо патологоанатома в зал влетела взъерошенная девушка.

Я решил, что это та самая аспирантка, что должна нам помогать, – Том упоминал о ней. Девушка лет двадцати, в розовой футболке и поношенных штанах с большими карманами, обтягивающих ее крупную фигуру. Обесцвеченные светлые волосы были некоторым образом приведены в порядок с помощью ленты в горошек а-ля Алиса, а круглые очки придавали ей дружелюбноудивленный вид. Стальные колечки и шарики у нее в ушах, носу и бровях, казалось бы, абсолютно не сочетались с лентой и очками, тем не менее общая картинка была весьма гармоничной. Ей шли даже эти жутковатые украшения.

Она затараторила прежде, чем дверь успела закрыться.

– Господи, поверить не могу, что опоздала! Я вышла пораньше, чтобы успеть заскочить на станцию и проверить, как там мой проект, но потом совершенно потеряла счет времени! Мне правда очень жаль, доктор Либберман.

– Ну, теперь ты тут, – сказал Том. – Саммер, по-моему, ты не знакома с доктором Дэвидом Хантером. Он англичанин, но не ставь ему это в вину. А это Кайл. Он удерживал крепость, пока ты сюда добиралась.

Кайл расплылся в изумленной улыбке.

– Рад познакомиться!

– Привет! – просияла Саммер, явив миру скобки на зубах. Она глянула на труп скорее с интересом, чем с отвращением. Для большинства людей это было бы шокирующее зрелище, но работа на станции способствовала подготовке студентов к таким мрачным реалиям. – Я ведь ничего не пропустила, да?

– Нет, он по-прежнему мертв, – успокоил ее Том. – Ты знаешь, где тут что, если хочешь пойти и переодеться.

– Конечно. – Она развернулась к двери, задев сумкой стальную тележку с инструментами.

– Ой, извините! – Она вернула тележку на место и исчезла за дверью.

В зале снова воцарилось изумленное молчание.

– Саммер – наш местный ураган, – криво ухмыльнулся Том.

– Я заметил, – хмыкнул я.

Кайл продолжал ошарашенно таращиться на дверь. Том весело покосился на меня и кашлянул.

– Образцы, Кайл?

– Что? – Техник вздрогнул, словно начисто забыл, где мы находимся.

– Вы собирались их упаковать, чтобы отправить в лабораторию.

– А, да. Конечно, нет проблем.

Еще раз с надеждой поглядев на дверь, Кайл собрал образцы и вышел.

– Думаю, можно с уверенностью сказать, что Саммер обзавелась очередным поклонником, – с иронией заметил Том.

Он повернулся к столу и вдруг скривился, потирая грудь, будто глотнул воздуха.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Ерунда. Хикс любого способен довести до изжоги.

Но цвет лица у него стал нехорошим. Он потянулся к тележке с инструментами и охнул от боли.

– Том...

– Я в порядке, черт подери! – Он предостерегающе поднял руку, но тут же превратил жест в извинение. – Все нормально, честно.

Я ему не поверил.

– Ты спозаранку на ногах. Почему бы тебе не передохнуть?

– Потому что у меня нет времени, – раздраженно ответил он. – Я обещал Дэну прислать предварительное заключение.

– И он его получит. Мы с Саммер сами закончим снимать мягкие ткани.

Том нехотя кивнул.

– Ну может, буквально несколько минут...

Я смотрел ему вслед, поразившись, насколько хрупким он выглядит. Он никогда не был особенно мускулистым, но сейчас казался вообще почти бесплотным. Он стареет. Такова жизнь. Но от этого не легче.

Плейер Тома давно замолчал, и в зале царила полная тишина. Откуда-то снаружи донесся звонок телефона. Никто не взял трубку, и звонок через некоторое время смолк.

Я вернулся к останкам жертвы. Скелет уже был практически очищен от плоти, оставшееся исчезнет после выварки в детергенте. Поскольку вываривать скелет целиком в большом чане непрактично, мне предстояла еще одна малоприятная работенка.

Расчленение.

Нужно отделить череп, таз, конечности. Это требует и осторожности, и грубой силы. Малейшее повреждение костей нужно тщательно фиксировать, чтобы не спутать с предсмертными травмами. Я как раз начал отделять череп, аккуратно перепиливая позвоночник между вторым и третьим позвонками, когда вернулась Саммер.

В хирургическом костюме и резиновом фартуке она уже казалась не столь неуместной в морге, если не считать пирсинга в ушах и носу. Высветленные волосы она спрятала под медицинскую шапочку.

– А где доктор Либерман? – поинтересовалась она.

– Ему надо было уйти. – Я не стал вдаваться в подробности. Вряд ли Том хотел, чтобы студенты знали, что он болен.

Саммер мой ответ вполне устроил.

– Хотите, чтобы я подготовила раствор?

Я не знал, что для нее запланировал Том, но меня такой вариант вполне устраивал. Мы начали заполнять чаны из нержавеющей стали детергентом и ставить их на огонь. Хотя мощная вытяжка над конфорками вытягивала большую часть дыма и пара, из-за сочетания детергентов и варящихся мягких тканей в зале стоял запах, одновременно напоминающий запахи прачечной и плохого ресторана.

– Значит, вы англичанин? – спросила Саммер в процессе работы.

– Верно.

– А почему вы сюда приехали?

– Просто научная поездка.

– У вас в Англии нет научных станций?

– Есть, но не такие, как у вас.

– Ага, станция тут клевая! – Большие глаза уставились на меня сквозь стекла очков. – И как там, за океаном, работаете криминалистам-антропологам?

– Как правило, холодно и сыро.

Она рассмеялась.

– Ну а помимо этого есть разница?

Мне не очень хотелось об этом говорить, но девочка всего лишь старалась проявить дружелюбие.

– Ну, в основном все так же, хотя и есть некоторые отличия. У нас куда меньше силовых структур, чем у вас. – Для чужака огромное количество самостоятельных шерифов и полицейских департаментов, не говоря уже о федеральных департаментах и департаментах штатов, действующих на территории США, казалось сногшибательным. – Но главное отличие – климат. Летом климат непостоянный, поэтому мы, как правило, не оставляем тела разлагаться на открытом воздухе, как у вас тут. И процесс разложения получается более влажным, плесени и слизи куда больше.

Она скривилась.

– Фу... Никогда не думали переехать?

Я невольно рассмеялся.

– Работать на солнышке, хотите сказать? Нет, как-то не задумывался. – Впрочем, больше о себе я говорить не желал. – Ну а вы? Какие у вас дальнейшие планы?

Саммер начала оживленно рассказывать о своем житье-бытье, о своих планах на будущее, о том, что она подрабатывает в одном из баров Ноксвилла, чтобы накопить денег на машину. Я все больше слушал, охотно предоставив ей возможность и дальше вести монолог. На скорости работы это у нее никак не отражалось, а словесный поток оказывал на меня успокаивающий эффект, так что, когда вернулся Том, я с удивлением обнаружил, что прошло уже два часа.

– Вижу, вы неплохо продвинулись, – одобрительно сказал Том, подойдя к столу.

– Это было несложно.

В присутствии Саммер я не стал интересоваться, как он себя чувствует, но и так видел, что ему стало лучше. Том дождался, пока девушка вернется к кипящим на огне чанам, и ото-звал меня в сторонку.

– Извини, что меня так долго не было. Я разговаривал с Дэном Гарднером. Дело приняло интересный оборот. Отпечатков пальцев Терри Лумиса, парня, чей бумажник нашли в коттедже, в базе данных не оказалось, так что они пока не могут подтвердить, он это или нет. – Том указал на останки. – Но у них есть результат по отпечатку на кассете. Принадлежит некоему Уиллису Декстеру. Белый, тридцать шесть лет, работает механиком в Севирвилле.

Севирвилл – маленький городок неподалеку от Гатлинбурга, примерно милях в двадцати от того места, где в коттедже обнаружили труп.

– Так это же хорошо, да?

– Вроде как, – кивнул Том. – Отпечатки Декстера есть в старом досье по обвинению в управлении автомобилем в нетрезвом состоянии. Вдобавок они нашли еще кое-какие его вещи в том коттедже. В том числе и недельной давности квитанцию о получении денег, причем в бумажнике Лумиса.

Все это указывало на то, что жертва – Терри Лумис, а убийца, соответственно, Уиллис Декстер. Но Том как-то странно преподнес эту новость. Похоже, все не так просто.

– Значит, его арестовали?

Том, загадочно улыбаясь, снял очки и протер тряпочкой.

– В том-то вся и штука. Судя по всему, Уиллис Декстер погиб в автокатастрофе шесть месяцев назад.

– Ерунда какая-то! Либо отпечатки не его, либо в свидетельство о смерти вписали не то имя.

– Ты тоже так думаешь? – Том водрузил очки на место. – Вот потому-то завтра утром мы в первую очередь и эксгумируем его тело.

Тебе было девять лет, когда ты впервые увидел мертвеца. Тебя одели в воскресную одежду и привели в комнату, где напротив блестящего гроба стояли деревянные стулья. Гроб стоял на подставке, покрытой черным бархатом. С одного угла свисала кроваво-красная лента.

Ты на нее засмотрелся, потому что она свернулась в почти правильную восьмерку, поэтому чуть не уткнулся носом в гроб, прежде чем сообразил заглянуть внутрь.

В гробу лежал твой дедушка. Он выглядел... иначе. Лицо стало восковым, щеки провалились, как бывало, когда он забывал вставить челюсть. Глаза его были закрыты, но с ними тоже что-то было не так.

Ты замер, ощутив знакомое чувство в груди. Тебя подтолкнули в спину, вынуждая шагнуть вперед.

– Подойди, погляди.

Ты узнал голос тетки. Но тебя и не надо было заставлять приблизиться. Ты шмыгнул носом и тут же схлопотал подзатыльник.

– Носовой платок! – шикнула тетка.

Но сейчас ты, для разнообразия, вовсе не пытался очистить нос от вечных соплей, а пытался определить, какие еще запахи скрываются за ароматом духов и запахом свечей.

– Почему у него глаза закрыты? – спросил ты.

– Потому что он сейчас с Господом, – ответила тетка. – Посмотри, каким спокойным он выглядит. Будто спит.

Но тебе дед вовсе не казался спящим. То, что лежало в гробу, выглядело так, будто никогда и не было живым. Ты уставился на это, пытаясь разглядеть, в чем же в точности отличие, пока тебя решительно не оттащили в сторону.

В последующие годы воспоминание о лежащем в гробу дедушке всегда вызывало то же чувство удивления, тот же комок в груди. Это одно из твоих основных воспоминаний. Но только в семнадцать лет ты столкнулся с событием, навсегда изменившим твою жизнь.

Ты сидишь на лавке, читая в обеденный перерыв. Книжка – перевод трактата Св. Фомы Аквинского «Сумма теологии», которую ты украл в библиотеке. Она читается тяжело, и очень наивная, конечно, но кое-что интересное в ней есть. «Существование и сущность раздельны». Тебе это понравилось, как и найденное у Кьеркегора «Смерть – это свет, на котором все великие страсти, хорошие и плохие, становятся очевидными». Все теологи и философы, которых ты прочел, противоречат друг другу, и ни у кого из них нет истинного ответа. Но они ближе к цели, чем дилетантские выкладки Камю и Сартра, скрывающих свое невежество за маской романа. Ты их уже перерос, в точности так же как скоро перерастешь Аквината и прочих. Вообще-то ты уже начинаешь думать, что ни в одной книжке ответа не найдешь. Но тогда где еще искать?

В последнее время дома начали поговаривать о том, где взять деньги, чтобы отправить тебя в колледж. Но тебя это мало волнует. Найдутся где-нибудь. Ты уже много лет знаешь, что особенный, что тебе предстоит стать великим.

Предначертано стать.

Читая, ты механически жуешь сэндвичи, не ощущая ни вкуса, ни удовольствия. Еда – это топливо, только и всего. Недавняя операция избавила тебя от соплей, отравлявших тебе все детство, но не обошлось без последствий. Теперь ты вообще перестал чувствовать запахи, отчего самая пряная пища стала безвкусной как тряпка.

Прикончив безвкусный сэндвич, ты откладываешь книгу в сторону. Ты едва успеваешь встать со скамейки, как слышишь скрежет тормозов и последовавший за этим тупой удар. Ты поднимаешь взгляд и видишь летящую по воздуху женщину. На какой-то миг она словно замирает, а потом падает грудой костей почти у твоих ног. Она лежит изломанной куклой на спине, лицом к небу. На мгновение ее глаза сталкиваются с твоими. Они у нее расширенные и удивленные. В них нет ни боли, ни страха. Только удивление. Удивление и что-то еще.

Знание.

Затем глаза женщины тускнеют, и ты инстинктивно понимаешь, что та суть, чем бы она ни была, которая делала женщину живой, исчезла. И у твоих ног теперь лежит лишь мешок костей и плоти, и ничего больше.

Пораженный, ты молча стоишь, а вокруг начинает собираться толпа, и тебя постепенно оттирают от тела, и оно скрывается из вида. Но это уже не важно. Ты уже увидел то, что так долго искал.

Всю ночь ты лежишь без сна, стараясь припомнить все до мельчайших деталей. Ты лежишь, затаив дыхание, потрясенный, осознавая, что находишься на пороге открытия чего-то грандиозного. Ты понимаешь, что тебе было дано краешком глаза увидеть нечто очень важное, нечто одновременно и обыденное, и значительное. Только вот по какой-то непонятной причине лицо женщины, ее взгляд, который, казалось, навечно впечатался в твою память, постепенно начинают из нее исчезать. Ты хочешь – нет, тебе просто необходимо! – снова увидеть это мгновение, чтобы понять, что произошло. Но память не справляется с этой задачей, и по качеству воспоминание становится таким же, как о лежавшем в гробу деде. Память слишком субъективна, слишком ненадежна. Нечто столь грандиозное требует более тщательного подхода.

Чего-то более постоянного.

На следующий день, стянув все до последнего цента деньги, отложенные на твою учебу в колледже, ты купил свой первый фотоаппарат.

6

Когда мы двинулись к кладбищу, рассвет едва только забрезжил на горизонте. Небо еще оставалось темным, но звезды уже начали медленно исчезать, уступая место новому дню. Ландшафт по обе стороны шоссе уже начал обретать форму, проступая из темноты как проявленная фотография. Позади магазинов и ресторанов быстрого питания возвышались темные громады гор, как бы подчеркивая непрочность созданного человеком фасада.

Том вел машину в тишине. Для разнообразия он не включил какой-нибудь очередной джазовый диск, хотя я так и не понял, с чем это связано: то ли потому, что утро слишком раннее, то ли настроение у Тома такое. Он подобрал меня возле отеля, но после приветственной широкой улыбки практически не произнес ни слова. Мало кто хорошо выглядит в такую рань, но сероватый оттенок его лица не имел никакого отношения к недосыпу.

Да ты и сам скорее всего выглядишь не лучше. Прошлым вечером я долго лежал без сна, размышляя о предстоящем мероприятии. Конечно, это далеко не первая эксгумация в моей карьере и уж точно не самая худшая. Несколько лет назад мне довелось работать на эксгумации из массового захоронения в Боснии, где во рву были закопаны целые семьи. Предстоящая эксгумация вовсе не такая, и я понимал, что Том оказывает мне услугу. По всем правилам, мне следовало уцепиться за предоставленную возможность поучаствовать в настоящем расследовании на территории США.

Так почему же я не испытываю ни малейшего энтузиазма?

Там, где прежде я чувствовал уверенность и определенность, теперь остались только сомнения. Вся моя энергия и сосредоточенность, воспринимавшиеся мною как данность, будто вытекли из меня в прошлом году вместе с кровью на пол коридора. И если у меня сейчас такое ощущение, то что будет, когда я вернусь назад в Великобританию, где придется самому участвовать в расследовании убийств?

Правда в том, что я и сам этого не знал.

Горизонт начал наливаясь золотом, когда Том свернул с шоссе. Мы ехали к пригородам в восточном конце Ноксвилла. Я этого района не знал совсем. Район был бедным: дома с облупившейся краской и заросшими замусоренными дворами. В свете фар блеснули зеленым глаза кошки, оторвавшейся от какой-то еды в канаве, чтобы лениво поглядеть, как мы проезжаем мимо.

– Уже близко, – нарушил молчание Том.

Еще примерно через милю дома постепенно стали сменяться лесистой местностью, и вскоре мы подъехали к кладбищу. Кладбище было скрыто от дороги рядом хвойных деревьев и высоким забором из светлого кирпича. Металлическая вывеска над воротами гласила «Похоронная контора и кладбище “Стиплхилл”». Верхушку украшал стилизованный ангел со скорбно склоненной головой. Даже в тусклом свете я заметил, что металл ржавый, с облупившейся краской.

Мы въехали в открытые ворота. По обе стороны дорожки выстроились ряды надгробий, по большей части заросших и неухоженных. Они стояли на фоне темных мрачных хвойных деревьев, а впереди я увидел очертания местной похоронной конторы: низкое, заводского вида здание, увенчанное квадратным шпилем.

Припаркованная чуть в стороне группа автомобилей указала нам дальнейшее направление. Мы остановились возле них и вылезли из машины. Я сунул руки в карманы, вздрагивая от утренней прохлады. Над серебряной от росы травой вился туман. Мы двинулись туда, где копошились люди.

Могилу огородили щитами, но в это время суток посторонних наблюдателей тут не было. Маленький экскаватор пытел и кряхтел, вычерпывая очередной ковш сырой земли. В про-

цессе переноски грунта с ковша на растущую кучу сыпались комья. В воздухе пахло глиной и дизельным топливом. Могила уже почти раскопали, в дерне образовался черный провал.

Гарднер с Джейкобсен стояли тут же, ожидая вместе с группой официальных лиц и рабочих, пока экскаватор вынет очередную порцию грунта. Чуть в стороне от всех стоял Хикс. Лысая голова патологоанатома торчала из слишком большого макинтоша, отчего его сходство с черепахой бросалось в глаза еще сильнее, чем обычно. Его присутствие тут – простая формальность, потому что тело наверняка передадут на исследование Тому.

На лице патологоанатома явственно читалось, что ему это совершенно не нравится.

Поблизости находился еще один человек. Высокий, хорошо одетый, в пальто из верблюжьей шерсти и темном костюме с галстуком. Он наблюдал за работой экскаватора с выражением, которое можно было счесть либо равнодушным, либо усталым. Заметив нас, он вроде бы несколько оживился и, когда мы подошли, уставился на Тома.

– Том, – сказал Гарднер. Глаза агента БРТ были опухшими и красными. Джейкобсен же, наоборот, выглядела свеженькой, будто преспокойно проспала добрых девять часов, плащ с поясом выглаженный и опрятный.

Том улыбнулся, но промолчал. Горка, в которую нам пришлось подниматься, была пологой, но я видел, что даже после короткого пути сюда он задыхается. Хикс одарил его желчным взглядом, но поздороваться не соизволил. Меня он тоже проигнорировал, достал грязный носовой платок и шумно высморкался.

Гарднер указал на высокого мужчину в пальто из верблюжьей шерсти.

– Это Эллиот Йорк. Владелец «Стиплхилл». Он помог организовать эксгумацию.

– Всегда рад помочь. – Йорк торопливо протянул Тому руку. – Доктор Либерман, для меня большая честь с вами познакомиться, сэр.

Острый запах его одеколona перебивал даже вонь от выхлопа экскаватора. Я навскидку решил, что Йорку где-то около пятидесяти, но на самом деле трудно сказать точно, сколько ему лет. Крупный упитанный мужчина с невыразительными чертами лица. Но его темные волосы были тусклыми, и это наводило на мысль, что они крашенные. Когда он повернулся, я увидел, что они тщательно уложены, чтобы прикрыть лысину на макушке.

Я заметил, что Том постарался как можно быстрее отнять руку, прежде чем представить меня.

– Это мой коллега, доктор Хантер. Наш гость из Великобритании.

Йорк одарил меня официальной улыбкой. При ближайшем рассмотрении пальто оказалось сильно поношенным и потертым, а костюм под ним нуждался в чистке. Судя по кровавым точкам и клочкам щетины на щеках, он брился либо торопливо, либо тупой бритвой. И даже термоядерный одеколон не мог заглушить запах табака у него изо рта и скрыть желтые никотиновые пятна на пальцах.

Йорк снова повернулся к Тому, даже не успев толком выпустить мою руку.

– Я слышан о вашей работе, доктор Либерман. И о вашей станции, конечно.

– Спасибо, но это не совсем моя станция.

– Да, конечно. Но в любом случае это честь для Теннесси. – Он елеин улынулся. – Конечно, мое... э-э-э... призвание несравнимо с вашим, но мне хочется думать, что я тоже вношу свой скромный вклад, служа обществу. Не всегда приятная работа, но тем не менее необходимая.

Улыбка Тома оставалась безукоризненно вежливой.

– Безусловно. Значит, эти похороны проводили вы?

Йорк кивнул.

– Имели честь, сэр, хотя, боюсь, не могу припомнить конкретно эти. Понимаете, мы проводим очень много похорон. «Стиплхилл» предоставляет полный спектр ритуальных услуг, включая и кремацию, и погребение в этом прекрасном месте. – Он обвел рукой неухоженное

кладбище, словно это был роскошный парк. – Мой отец основал компанию в 1958 году, и с тех пор мы обслуживаем обделенных. Наш лозунг: «Достоинство и комфорт», – и, смею думать, мы его придерживаемся.

Рекламное выступление было встречено неловким молчанием. Том явно испытал облегчение, когда вмешался Гарднер.

– Уже скоро. Мы почти у цели, – сообщил он.

Улыбка Йорка растаяла, и он проводил разочарованным взглядом Тома, которого ловко увели прочь.

Тут, как бы в подтверждение слов Гарднера, экскаватор вытащил последний ковш земли и отъехал назад, победно чихнув двигателем. Усталый на вид мужчина, которого я счел представителем департамента здравоохранения, кивнул одному из рабочих. Рабочий в защитном комбинезоне и маске шагнул вперед и высыпал в могилу дезинфицирующее средство. Болезни не всегда умирают вместе с хозяином. Бактерии, расцветающие махровым цветом в разлагающейся плоти, гепатит, ВИЧ и туберкулез – это лишь некоторые болезни, которые живые запросто могут подцепить у мертвецов.

Рабочий в комбинезоне и маске спустился в могилу по короткой лесенке и начал очищать лопатой гроб от остатков земли. К тому времени, когда к гробу прикрепили веревки, чтобы поднять его наверх, небо уже стало светло-синим и хвойный лес отбрасывал на траву длинные тени. Рабочий вылез из ямы и вместе с тремя помощниками начал тянуть гроб на поверхность в жутком обратном похоронном процессе.

Грязный короб медленно выплыл наверх. С него сыпались комья земли. Рабочие поставили гроб на козлы, стоящие рядом с могилой, и быстро отступили в сторону.

– Черт! Ну и вонища! – пробормотал один из них.

Он был прав. Даже там, где мы стояли, миазмы заполнили утренний воздух. Сморщив нос, Гарднер подошел и наклонился, чтобы рассмотреть гроб.

– Крышка треснула, – сообщил он, указывая на трещину под слоем грязи. – Не думаю, что его взломали, больше похоже на паршивую древесину.

– Это лучшая американская сосна! И очень хороший гроб! – вспыхнул Йорк, но никто не обратил на него внимания.

Том наклонился к гробу и принялся.

– Говоришь, его похоронили шесть месяцев назад? – спросил он Гарднера.

– Ну да. А что?

Том не ответил.

– Странно. Что скажешь, Дэвид?

Я постарался скрыть дискомфорт, когда глаза присутствующих обратились на меня.

– Не должно так вонять, – нехотя проговорил я. – Через шесть месяцев не должно.

– На тот случай, если вы не заметили, крышка не совсем герметична, – встрял Хикс. – А с такой дырой чего еще ожидать?

Я понадеялся, что Том ему ответит, но он, казалось, внимательно изучал гроб.

– Все равно: на ней лежало еще как минимум шесть футов земли, а так глубоко под землей разложение идет значительно медленнее, чем на поверхности.

– Я не к вам обращаюсь, но спасибо, что указали на этот факт, – саркастически бросил Хикс. – Уверен: будучи англичанином, вы отлично разбираетесь в климатических и прочих условиях Теннесси.

Том выпрямился.

– Вообще-то Дэвид прав. Даже если тело не забальзамировано, запах разложения не должен быть таким сильным независимо от того, цела крышка или нет.

Патологоанатом зыркнул на него.

– Так почему бы нам не взглянуть? Открывайте! – грубо приказал он рабочим.

– Здесь? – удивился Том. Обычно гроб переправляют в морг и уже там открывают. Хикс, казалось, наслаждается моментом.

– Гроб уже сломан. Если тело настолько разложилось, как вы утверждаете, я бы хотел проверить это здесь и сейчас. Я и так тут уже кучу времени потратил.

Я достаточно хорошо знал Тома, чтобы заметить его неодобрение – губы слегка сжались, – но он промолчал. Пока тело не передадут ему официально, Хикс – главный.

Возразила Джейкобсен.

– Сэр, вам не кажется, что это может подождать? – сказала она Хиксу, когда тот жестом велел рабочим начинать.

Патологоанатом хищно улыбнулся.

– Вы оспариваете мои полномочия?

– А, ради Бога, Дональд, просто открой этот чертов ящик, коль уж тебе так приспичило, – буркнул Гарднер.

Метнув на Джейкобсен еще один разъяренный взгляд, Хикс кивнул рабочему с инструментом. Тишину нарушил скрип вывинчиваемого шурупа. Я покосился на Джейкобсен, но ее лицо оставалось невозмутимым. Должно быть, она почувствовала мой взгляд, потому что ее серые глаза на секунду встретились с моими. На миг я заметил в них искорку гнева, но девушка тут же отвернулась.

Когда вывинтили последний шуруп, второй рабочий присоединился к первому, чтобы помочь снять крышку. Она деформировалась, и потребовались некоторые усилия, прежде чем она наконец открылась.

– Бог ты мой! – воскликнул один из рабочих, отворачиваясь.

Вонь из гроба стала невыносимой. Мерзкий сладковатый густой запах гниения. Рабочие поспешно отскочили подальше.

Я подошел к Тому, чтобы посмотреть.

Большую часть останков прикрывал белый саван, на виду оставался только череп. Большая часть волос выпала, хотя несколько прядок еще держались, как грязная паутина. Тело начало разлагаться, плоть будто стекла с костей, поскольку бактерии сделали свое дело, превратив ее в жижу. В замкнутом пространстве гроба образовавшаяся в результате гниения жидкость не могла испаряться. Такую жидкость называют гробовой раствор – черная и вязкая, она запачкала льняной саван, прикрывающий труп.

Хикс заглянул внутрь.

– Поздравляю, Либерман. Он ваш.

Развернувшись, он не оглядываясь зашагал к машинам. Гарднер с отвращением взирал на мрачное содержимое гроба, прижав к носу и рту платок в тщетной попытке спастись от воню.

– Это нормально?

– Нет, – ответил Том, сердито глядя вслед Хиксу.

Гарднер повернулся к Йорку:

– Есть мысли, как такое могло произойти?

Физиономия владельца похоронной конторы заалела.

– Конечно, нет! И я отвергаю всяческие инсинуации, что это якобы моя вина! «Стиплил» не несет ответственности за то, что случилось с гробом, после того как его закопали!

– Почему-то я так и думал.

Гарднер подозвал одного из рабочих:

– Закрывайте. Повезем это в морг.

Но я пригляделся к мрачному содержимому гроба внимательней.

– Том, погляди-ка на череп.

Он все еще смотрел вслед патологоанатому. Повернувшись, он вопросительно глянул на меня и выполнил просьбу. Я видел, как меняется выражение его лица.

– Тебе это не понравится, Дэн.

– Что еще?

Том, не ответив, указал на рабочих и Йорка.

– Не могли бы вы оставить нас на минутку, джентльмены? – обратился к ним Гарднер.

Рабочие отошли к экскаватору и закурили. Йорк скрестил руки на груди.

– Это мое кладбище. И я никуда не пойду.

Гарднер вздохнул, ноздри его раздулись.

– Мистер Йорк...

– Я имею право знать, что тут происходит!

– В данный момент мы и пытаемся это установить. А теперь будьте любезны...

Но Йорк еще не закончил.

– Я согласился с вами сотрудничать, – ткнул он пальцем в Гарднера. – И не желаю, чтобы меня обвинили во всем этом! Я хочу, чтобы занесли в протокол, что «Стипл-хилл» ответственности не несет!

– Ответственности за что? – опасно мягким тоном поинтересовался Гарднер.

– Ни за что! Вот за это! – Йорк махнул на гроб. – Это уважаемый бизнес. Я не сделал ничего плохого.

– Ну, значит, вам и не о чем беспокоиться. Спасибо за содействие, мистер Йорк. Скоро с вами кто-нибудь переговорит.

Йорк набрал в грудь побольше воздуха, чтобы разразиться очередной тирадой, но агент БРТ придавил его взглядом. Сердито поджав губы, владелец кладбища удалился. Гарднер смотрел ему вслед с выражением кота, следящего за канарейкой, затем повернулся к Тому.

– Ну?

– Ты сказал, это белый мужчина?

– Верно. Уиллис Декстер, механик тридцати шести лет, погиб в автокатастрофе. Ладно, Том, что ты тут углядел?

Том криво мне улыбнулся.

– Это Дэвид углядел. Ему и выкладывать тебе новость.

Премного благодарен. Я снова повернулся к гробу, спиной ощущая взгляды Гарднера и Джейкобсен.

– Посмотрите на нос, – сказал я им. Мягкие ткани сгнили, и образовалась треугольная дырка с остатками перегородки. – Видите, под носовым отверстием, там, где оно примыкает к кости, на которой держатся нижние зубы? Тут должен быть выступ вроде острого гребня на кости. Но его нет. Отверстие плавно переходит в кость под ним. И форма носа тоже неправильная. Переносица низкая и широкая, и само носовое отверстие слишком большое.

Гарднер выругался сквозь зубы.

– Уверены? – спросил он скорее Тома, чем меня.

– Боюсь, что да. – Том удрученно поцокал языком. – Я бы и сам это увидел, если бы удосужился присмотреться. Все признаки строения черепа тоже указывают на расовую принадлежность. А по совокупности так и вовсе сомнений не остается.

– Сомнений в чем? – озадаченно спросила Джейкобсен.

– Костный выступ, о котором упомянул Дэвид, является признаком принадлежности к белой расе, – пояснил ей Том. – Кем бы ни был этот человек, у него этот признак отсутствует. Джейкобсен нахмурилась, когда до нее дошло.

– Вы хотите сказать, что это черный? Но я думала, Уиллис Декстер был белым.

Гарднер раздраженно вздохнул.

– Так и есть. – Он мрачно уставился на труп в гробу. – Это не Уиллис Декстер.

7

Яркое высоко стоящее солнце слепило, отражаясь от стекол едущих по шоссе машин. Хотя полдень еще не наступил, воздух над бетоном клубился от жара и выхлопных газов. Движение впереди нас замедлилось, автомобили буквально ползли, объезжая проблесковые маяки карет «скорой помощи», перекрывших одну полосу. Поперек полосы стоял новенький «лексус», совершенно целый и блестящий сзади и со смятым в гармошку капотом. Чуть подальше валялось то, что некогда было мотоциклом, а теперь представляло собой лишь грудку деталей, хрома и колес. Вокруг него дорога была залита чем-то вроде бензина, но скорее всего это был не бензин.

Когда мы проезжали мимо, подчиняясь знакам полицейского, с каменным выражением лица управлявшего движением, я заметил толпу зевак, свесившихся через перила перекинутого над шоссе моста, чтобы поглазеть на разворачивающееся внизу представление. Затем мы проехали, и движение снова стало нормальным, будто ничего и не произошло.

На обратном пути с кладбища Том стал больше похож на себя прежнего. В его глазах появилась искорка, означавшая, что он заинтригован последним поворотом событий. Сперва отпечатки пальцев, снятые на месте преступления, оказались принадлежащими давно умершему человеку, а теперь вот в его могиле оказалось вовсе не его тело. Такого рода загадки для Тома были просто радостью жизни.

– По-моему, начинает смахивать на то, что слухи о смерти Уиллиса Декстера оказались несколько преувеличенными, а? – задумчиво проговорил Том, барабанив пальцами по рулю в такт льющейся из динамиков музыки Диззи Гиллесли. – Симулировать собственную смерть – чертовски хитроумное алиби, если сумеешь это проверить.

Я очнулся от своих размышлений.

– Как ты думаешь, чье тело в гробу? Еще одной жертвы?

– Я не стану утверждать со всей уверенностью, пока не определим причину смерти, но полагаю, да. Конечно, не исключена возможность, что в похоронной конторе кто-то просто перепутал тела, но, с учетом обстоятельств, это вряд ли. Нет, как мне ни противно это признавать, Ирвинг был прав насчет серийного убийцы. – Том покосился на меня. – Что?

– Ничего.

Он улыбнулся.

– Актер из тебя паршивый, Дэвид.

При обычных раскладах я бы охотно включился в мозговой штурм, но в последнее время я что-то слишком увлекся самокритикой.

– Возможно, я слишком подозрителен, но тебе не кажется, что все слишком удачно складывается: найденный отпечаток приводит прямиком к трупу другой жертвы?

Том пожал плечами.

– Преступникам тоже свойственно ошибаться.

– Значит, ты полагаешь, что Уиллис Декстер может быть все еще жив? И что убийца – он?

– А ты как думаешь?

– Я думаю, что забыл, насколько ты любишь играть адвоката дьявола.

Он хохотнул.

– Просто проигрываю возможные варианты. Честно говоря, мне тоже кажется, что как-то оно чуточку чересчур удачно складывается. Но Дэн Гарднер отнюдь не дурак. Может, он и грубиян, но я рад, что следствие возглавляет именно он.

Мое отношение к Гарднеру не улучшилось, но Том никогда никого не хвалил просто так.

– Что думаешь о Йорке? – спросил я.

– Ну, если не считать острого желания вымыть руки после его рукопожатия, то не знаю, – задумчиво ответил Том. – Конечно, он вряд ли может служить рекламой своей профессии, но, судя по всему, эксгумация его не больно-то волновала. Ну во всяком случае, пока он не увидел состояние гроба. Не сомневаюсь, что ему придется ответить на ряд неудобных вопросов, но, думается мне, вряд ли он вел бы себя так вальяжно, заранее зная, что мы там обнаружим.

– Даже если так, все равно вряд ли возможно подменить тело так, чтобы никто из сотрудников похоронной конторы об этом не знал.

Том кивнул.

– Практически невозможно. Но все же я пока подожду делать какие-то выводы о Йорке. – Он помолчал, перестраиваясь в другой ряд, чтобы обойти медленно ползущий жилой прицеп. – Отличная работа, кстати. Я не обратил внимания на носовое отверстие.

– Обратил бы, не будь ты так зол на Хикса.

– Злость на Хикса – издержки профессии. Мне давно пора бы привыкнуть. – Улыбка увяла, когда он заметил выражение моего лица. – Ладно, это все ерунда. Так что тебя все-таки беспокоит?

Я вообще-то не собирался об этом говорить, но и избегать темы уже было больше нельзя.

– По-моему, приезд сюда был не такой уж хорошей идеей. Я очень ценю все, что ты делаешь, но... Ладно, давай начистоту. Это не сработало. Думаю, мне следует вернуться домой.

До этого момента я не осознавал, что уже принял решение. А теперь все мои сомнения выкристаллизовались, вынуждая принять то, чего я доселе так долго избегал. В этом решении была некая необратимость, какая-то часть меня была в шоке от осознания, что если я сейчас уеду, то не просто прерву поездку.

Я сдамся.

Том некоторое время молчал.

– Дело не только в том, что случилось в коттедже, да?

– И это тоже, но нет. – Я пожал плечами, пытаясь подобрать слова. – Просто чувствую, что это была ошибка. Не знаю... Может, еще просто слишком рано.

– Раны ведь зажили, да?

– Я не это имею в виду.

– Знаю. – Он вздохнул. – Можно, я буду откровенным?

Я кивнул, побоявшись открыть рот.

– Ты уже однажды пытался сбежать, и это не сработало. Так с чего ты решил, что сейчас у тебя получится?

Мои щеки полыхнули огнем. Сбежать? Так он это воспринимает?

– Если ты о гибели Кары и Элис, то да, я тогда, наверное, действительно сбежал. – Мой голос звучал хрипло. – Но сейчас по-другому. Такое ощущение, что чего-то недостает, и я не знаю, чего именно.

– Значит, у тебя кризис веры.

– Можно и так сказать.

– Тогда я снова тебя спрошу: как именно тебе поможет бегство?

Я молчал. Том продолжал смотреть на дорогу.

– Я не стану оскорблять тебя ободряющими словами, Дэвид. Если ты действительно считаешь, что тебе нужно именно это, то уезжай, несмотря ни на что. Думаю, ты об этом пожалеешь, но выбор за тобой. Но сперва сделаешь кое-что для меня?

– Конечно.

Том поправил очки.

– Я никому об этом не говорил, кроме Мэри и Пола. В конце лета я уйду на пенсию.

Я изумленно посмотрел на него. Я думал, он останется до конца года.

– Это из-за проблем со здоровьем?

– Скажем так, я обещал Мэри. Дело в том, что ты один из моих лучших учеников, и сейчас наш последний шанс поработать вместе. И я сочту большим одолжением, если ты уделишь мне еще недельку.

Я некоторое время молча сидел, размышляя о том, как красиво он сейчас меня сделал.

– Я сам попался, верно?

Он улыбнулся.

– Ага. Но ты ведь не можешь нарушить данное старику слово, а?

Мне ничего не оставалось, как рассмеяться. Как ни странно, мне вдруг стало так легко, как уже давненько не бывало.

– Ладно. Неделю.

Том удовлетворенно кивнул, барабанил пальцами по рулю в такт льющейся из динамиков мелодии трубы.

– Так как тебе новая помощница Дэна?

Я поглядел в окно.

– Джейкобсен? Вроде умная.

– Ммм... – Пальцы Тома продолжали отбивать такт на руле. – И привлекательная, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.